

Тени Дюн

Дж. Джованни

18+

Дж. Джованни

Тени Дюн

«Автор»

2026

Джованни Д.

Тени Дюн / Д. Джованни — «Автор», 2026

Когда система заставляет тебя быть чудовищем, единственный способ победить — это стать чем-то большим. Но хватит ли на это сил? Алера — дитя Клана, приговорённое к смерти за бунт. Рувим — палач на службе у тирана, созданный для исполнения приговоров. Их запретная связь может спасти Шахри от Тьмы... или окончательно её уничтожить. Они ещё не знают, что стали пешками в тысячелетней темпоральной войне. И их будущий ребёнок станет главным оружием в битве за мир, где не существует даже границ времени.

© Джованни Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Падший ангел"	5
Глава 2 "Паучье логово"	10
Глава 3 «Мукаддасы»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дж. Джованни

Тени Дюн

Глава 1 "Падший ангел"

*Солнечная система, планета Земля, Национальный парк Сьерра-де-Гуадаррама, Мадрид, Кастилия-и-Леон.
февраль, 2027 г.*

Первое, что он вспомнил, когда сознание вернулось к нему — это его падение. Словно провинившегося ангела, его швырнули в Великую Бездну, лишив крыльев, лишив небес. Сначала была вспышка: яркая, слепящая, всеобъемлющая. Затем он почувствовал, как его затягивает в узкий, светящийся тоннель. Это был не просто тоннель, а вихрь густой, чистой энергии, состоящей из света и звука. Рувим бесконечно долго летел сквозь него, не чувствуя ни тела, ни времени, ни пространства. Лишь обрывки воспоминаний мелькали перед ним, словно кто-то решил перемотать видеопленку всей его жизни. Он видел своё рождение, лицо матери — молодой женщины с раскосыми тёмно-карими глазами и длинными волосами цвета вороного крыла, чувствовал тепло её рук. Видел дорогие его сердцу фиолетовые закаты планеты Шахри, песчаные дюны, дома и караван-сарай, выстроенные из солнечного камня — гелиотита. На солнце здания сияли, словно внутри них горел костёр. Видел людей с золотисто-ореховой кожей, в синих тюрбанах, в развевающихся на горячем ветру шелковых накидках; видел ночные костры в лагере торговцев пряностями, где витали дурманящие ароматы специй и трав. Здесь он ребёнком бегал босиком по раскалённому песку, наблюдая, как пыль смерчем вздымается от посадочных двигателей торговых кораблей, прибывающих с далёких, экзотических планет. На одном из них он однажды покинул Шахри...

Видел он и себя, испуганного и растерянного мальчика лет восьми, когда его впервые ввели за руку в Храм Просветления. Видел мудрые лица Старейшин, слышал их голоса, эхом раздающиеся в высоких колоннадах башен. Видел просторные залы библиотек с огромными купольными потолками и мраморными галереями, бесконечную череду стеллажей, которые, изгибаясь, волнами шли от пола к потолку. Здесь хранились древние рукописи и книги, корешки и страницы которых уже коснулся тлен. Он видел себя, юного помощника архивариуса, старательно выводящего руны в пыльных манускриптах или часами левитирующего в звенящей тишине часовни; себя, молодого воина в чёрном кителе, методично тренирующегося с эксиларом на плацу, залитом утренним солнцем. Его боевой посох с молниеносной скоростью трансформировался в плазменный меч и обратно, разбрасывая искры. Каждое движение, каждое слово, каждая мысль были подчинены регламентам и ритуалам. Из него ковали Воина, Жреца, Хранителя.

Посвящение... этот момент всплыл особенно ярко, словно кто-то специально подсветил значимый кадр его жизни. Вот он стоит на коленях перед Алтарём, освещённым сиянием факелов. Массивные каменные своды, украшенные резьбой, уносятся ввысь, теряясь в полумраке. Фигуры Старейшин и братьев Ордена в глубоких капюшонах нависают над ним, подобно древним теням. Посох Мудрейшего лежит на его обнажённом плече, символизируя бремя ответственности, которое он берет на себя. Тёплая волна силы разливается от прикосновения священного оружия, словно тысячи молний пробегают по коже. Слова клятвы он произносит громко и чётко, вкладывая в каждое слово всю свою душу, всю свою веру. «Да будет свет моего сердца ярче тьмы... Да будет воля моя подчинена высшему предназначению, а не личным желанием...» Клятва верности Ордену и защиты Пределов. Клятва, которая должна была определить его дальнейшую жизнь. Он вспомнил боль, когда ему выжигали Печать Ордена на

груди, встраивая силу Странника в молекулы его ДНК, — он принял её с готовностью и смирением, позволяя Печати разлиться по всему его существу, ощущая, как клетки перестраиваются, меняя свою структуру, впитывая в себя частицу древней энергии.

Наконец, его первая миссия, и первый решающий выбор... Выбор, который заставил его нарушить Клятву и вмешаться в предначертанный ход событий. Он видел перед собой размытый образ того дня, когда его сила, данная Орденом, была использована не по назначению; когда он, преступив через волю Высших Сил, спас того, кого судьба обрекла на гибель, и теперь понимал: цена такого вмешательства — разрыв тонких временных нитей мироздания. Словно трещина в камне, раскололась в тот миг не только его судьба, но судьбы всех участников роковой встречи. Рувим понимал: ему даровали шанс исправить содеянное. Его путь только начался, и в этом новом путешествии он должен исцелить раны, нанесённые его вмешательством, и вернуть гармонию в судьбы всех, кого затронуло его решение. Задача предстояла не просто сложная, а почти невыполнимая. Придётся столкнуться с последствиями своих действий лицом к лицу и найти способ вернуть все на свои места.

«Открой сердце для принятия высшей мудрости, мой мальчик, — прозвучали сквозь пелену Бездны слова старца Свана, — Только соединив силу духа со смирением души, ты сможешь найти путь к искуплению...»

Рувим летел и видел чужие жизни, миры, которые когда-то существовали, и которым еще только предстояло родиться. Он видел любовь и ненависть, надежду и отчаяние, рождение и смерть, — мириады судеб, сплетённые в бесконечную паутину Бытия.

Он не боролся с потоком, а просто позволял ему нести себя, доверяя неведомой силе, которая вела его к концу тоннеля, пока наконец не наступила тьма.

Спиной он ощутил опору. Падение закончилось.

Рувим открыл глаза. Ночное небо простиралось над ним чёрным бархатным куполом, усыпанным мириадами звёзд. Они мерцали ясно и холодно, словно живые, наблюдая за ним из вечной темноты. Сквозь звёздную ткань, словно разлитое по небу молоко, тянулась мутная полоса Млечного пути, напоминая, как далеко он от дома.

«Твой истинный дом внутри тебя, малыш», — сказал ему в напутствие старец Сван, прежде чем Хранительница Времени бросила юного Странника в Бездну. — Где бы ты ни оказался, твой Дом всегда с тобой. Всегда был и всегда будет». Рувим сделал глубокий вдох, пытаясь собрать воедино разрозненные обрывки сознания, и закашлялся, чувствуя, как лёгкие обжигает морозный воздух. Дыхание облаком пара растворилось в темноте. Голова раскалывалась.

Он осторожно вытянул вперед руку — сначала одну, потом вторую. Сжал и разжал дрожащие пальцы в кулак. Тело неуверенно отзывалось. Резкая тошнота вдруг подкатила к горлу, он успел перевернуться на бок, прежде чем его вырвало. Стало легче. По телу разлилась тёплая пульсирующая боль, мышцы потихоньку оживали. Привычным жестом он нашупал Печать на своей груди, с облегчением чувствуя кончиками пальцев грубые края клейма. Его телепортация на Землю прошла успешно.

Аккуратно приподнявшись на локтях, Рувим смог наконец оглядеться. Он лежал абсолютно голый, как новорожденный, у самой кромки заледеневшего озера, на припорошенном снегом каменистом берегу. Гладь озера мерцала, словно зеркало, в слабом свете растущей луны, спокойно и безмятежно. Воздух над ним искрил алмазной пылью. Гдето вдали треснул лёд, звук раскатился по округе, как выстрел. Под руками ощущалась мелкая галька и хвойные иголки. Их терпкий, смолистый запах слегка щекотал ноздри. Позади на него дышал холодом и зловещей темнотой густой хвойный лес. Заснеженные ели, словно безмолвные стражи, возвышались над ним, их тонкие верхушки слегка покачивались на фоне звёзд. Он слышал тихий шелест их пушистых веток, будто деревья перешептывались между собой. Лес шёл вдоль берега неровным полукругом, обрамляя водную гладь с трёх сторон, растворяясь в ночи тёмными

мохнатыми силуэтами. На противоположном берегу лес расступался, уступая место каменной пустоши и открывая вид на величественный горный хребет. Ночь окутала горы чёрным покрывалом, но не скрыла их мощи. Наоборот, подчеркнула царственное безмолвие вершин на фоне звёздного неба. Тонкий серп луны едва касался серебристым светом скалистых склонов, создавая призрачную игру теней. Где-то там, далеко в горах, слышалось завывание ветра. Земля была дикой, опасной, но прекрасной планетой, и Рувим на секунду залюбовался видом вокруг, хотя зубы начинали стучать от холода, а кожа покрывалась инеем. Надо было идти, найти укрытие, чтобы согреться и составить план действий. Он может заставить тело сопротивляться холоду, но не слишком долго.

Рувим попытался встать, но ноги предательски подкосились. Мышцы, привыкшие к гравитации в два раза меньшей, чем здесь, оказались не готовы к тяжести земного притяжения. На адаптацию к новым условиям требовалось время.

Обдирая локти о камни, он подполз к ближайшему дереву. С нескольких попыток, цепляясь за обледеневший ствол, ему удалось наконец подняться. Он дал себе минуту, чтобы передохнуть.

Хрупкую безмятежность внезапно нарушил низкий, утробный рык. Рувим замер, чувствуя, как цепенящий страх разливается по венам. Между заснеженными елями мелькнула тень. Одна, вторая, третья... Волки. Телепортация вызывает колебания Пространства, и животные, как правило, первыми чувствуют это. Появление волков здесь — лишь закономерное следствие его вторжения сюда.

В лунном свете появился он: огромный чёрный самец с пронзительными жёлтыми глазами, в которых угадывался почти человеческий разум. Вожак стаи. Он мягко выплыл из темноты, словно фантом, сотканный из теней и снега, и замер в нескольких шагах от Рувима, на расстоянии одного прыжка. Зверь стоял не двигаясь, слегка пригнув голову, глядя немигающим взглядом, словно оценивая, стоит ли тратить силы на эту странную добычу. Агрессии не было, лишь холодное, изучающее внимание. И в этом молчаливом диалоге, в этой сосредоточенной тишине, Рувим вдруг осознал, что его судьба сейчас — в лапах этого хищника. Шансов у него не было. Один, против стаи — это верная смерть. Он еще слишком слаб. Волки наблюдали за ним, бесшумно скользя по снегу среди ветвей. Рувим чувствовал их голодные взгляды. При других обстоятельствах он, конечно, обратился бы в волка или медведя, чтобы говорить с животными на их языке. Но сейчас у него не было на это ни сил, ни времени.

Медленно, очень медленно Рувим опустил обратно на землю, скользя спиной по шершавому стволу дерева. Надо было дать понять вожаку: он не враг и не добыча. И если волк — посланник Пространства, можно попробовать воззвать к Силам Природы, используя зверя в качестве проводника. «Страх — это не враг. Это заблокированная энергия, которая ждёт освобождения» — вспомнились ему слова Старейшин на уроках управления стихиями.

Волк, видя его движение, предупреждающе зарычал, щуря морду и обнажая передние клыки. Они блеснули в темноте. Рувим глубоко вдохнул хвойный морозный воздух и осторожно положил дрожащую ладонь на землю, стараясь почувствовать вибрацию леса, гор, их древнюю, могущественную силу.

«— Вы — творцы своей реальности. Вы не подчиняетесь судьбе — вы её создаёте. Ибо судьба есть лишь зеркало, отражающее вашу волю, — Старейшина Вайугура помолчал, ожидая, пока озвученная им только что истина прорастет в душах учеников. Он возвышался над ними, словно древнее дерево, чьи могучие корни уходят в глубины веков. Несмотря на то, что возраст Старейшины насчитывал более 800 лет, в его движениях угадывалась мускульная мощь и боевая грация, на смуглой коже виднелись шрамы — следы бывлых сражений. Он внимательно всматривался в лица юных архатов пронзительным, всепонимающим взглядом. Ветер развеивал его белое сари, словно крылья. Серебристо-седые волосы, местами прихваченные в тонкие косы, падали на плечи живым водопадом. Архаты расположились перед ним

полукругом, скрестив ноги и сложив пальцы рук в древнем знаке принятия мудрости — ладонями вверх. Энергия, которую они старались уловить, была почти осязаемой. Каждый из них чувствовал, как невидимые потоки силы текут через их тела.

Урок проходил на высоком каменном плато, где воздух был настолько прохладен и чист, что казалось, его можно пить глотками. Ветер свободно гулял между скалами, принося далекие отголоски горного эха и тихий гул каменных вершин. Облака парили так низко, что, протянув руку, можно было почти коснуться их мягкой, словно пуховая перина, поверхности. Они проплывали в нескольких метрах над головой, создавая иллюзию, будто находишься в невесомости, где земля и небо поменялись местами. Казалось, законы гравитации здесь не действуют — то ли ты паришь в воздухе, то ли весь мир перевернулся вверх тормашками.

— Мир вокруг вас — живой организм, — продолжал Вайугура, поглаживая аккуратно подстриженную и скрученную в жгуты седую бороду, — слушайте его, говорите с ним, как воин разговаривает со своим мечом. Каждое дерево, каждый камень, каждая капля воды обладает душой. Научитесь видеть эту жизнь и уважать ее. В шуме ветра, в плеске волн, в шелесте листьев — везде слышится древняя мудрость. Каждая стихия подчиняется тому, кто научился слышать ее голос. Откройте свое сердце, чтобы услышать... А теперь — создайте.

Старейшина плавно взмахнул рукой, и в воздухе закружились светящиеся точки из чистой энергии. Они складывались в изящные формы, превращаясь в маленьких птиц и светлячков. Те порхали и кружили вокруг учеников, касаясь их щек и ладоней мягкими крыльями.

— Видите? Природа послушна тем, кто умеет с ней говорить. Попробуйте сами. Позвольте своей душе стать частью этого творения.

Юные архаты один за другим начали пробовать. У кого-то получались лишь слабые искорки, у других — всполохи света. Но каждый успех Старейшина встречал одобрительным кивком.

— У меня не получается, — расстроено сказал маленький Рувим. — Я стараюсь заставить энергию принять форму, но ничего не выходит.

— Не пытайся доминировать над миром, мальчик, — сказал Старейшина, — Стань с ним единым целым, и тогда сила сама придет к тебе. Помни: ты не отделен от мира, ты и есть Мир. Душа Пространства — твоя собственная душа.

Через минуту, когда Рувим открыл глаза, перед ним уже порхала огромная бабочка с перламутрово-голубыми крыльями, словно сотканными из лунного света, рассытая вокруг светящиеся искры энергии. На миг ему показалось, что она улыбается ему теплыми карими глазами его матери...

Глаза волка горели желтым огнем, как угли в костре. Рувим поймал взгляд хищника и замер. «Эт — Менс — Туа — Эст, Аклин — Шенин — Аклин, — тихо чеканил он заклинание на древних языках этого мира, медленно проникая в разум волка. — Мой разум — твой разум; твой разум — мой разум. Тристис — эст — анима — миа. В потоке мыслей мы едины, в потоке чувств неразделимы. Аль-рази-аль-кабир. Михи креде!»

«Отбрось надежду, мальчик. Ты должен знать, именно четко знать, что именно так и будет. Надежда — это такое же сомнение. А сомневаться — значит ничего не получить...»

Глаза Рувима подернулись мутной пеленой. Мир вокруг поплыл, границы реальности размылись. Рувим почувствовал себя внутри другого существа. Здесь оказалась не только животная ярость, но и мудрость, сила и какая-то необъяснимая печаль. Холод, голод, отчаяние, вкус крови, азарт погони — все это захлестнуло его, чужое, волчье. Он прикоснулся к чужой душе и теперь видел мир глазами зверя — сквозь призму вечного поиска добычи, постоянной борьбы за выживание. Заснеженный лес вдруг превратился в огромное охотничье владение, налитое запахами. Свежий след косули, затерявшейся в кустах, вызывал нестерпимое желание охоты. Но еще сильнее была тоска — тоска по волчьему логову, спрятанному в каме-

нистой расщелине, по теплым бокам ошенившейся волчицы, по протяжному вою, наполняющему ночную тишину.

Внезапно все исчезло. Снова холод, лес, волк напротив. Но теперь тот видел в нем не врага, а собрата по несчастью, загнанного в угол жизнью. «Прошу тебя, волк. Я — твой друг. Я заблудился в твоих владениях. Если ты посланник, укажи мне дорогу. Я верю, что ты знаешь путь», — Рувим исторг эту просьбу из самой глубины своего существа, поэтому получилось что-то вроде молитвы, и стоило ей обрести форму в его сознании, как он почувствовал, что она будет услышана. Вожак моргнул, подавив рык — тот вышел тихим, усталым. В его глазах мелькнуло нечто почти человеческое. Затем он коротко заскулил, слегка растягивая звуки в примиряющей мелодии. Тени вокруг зашевелились и стали удаляться прочь. Волки уходили.

Вожак сделал несколько легких шагов в темноту, вдоль берега, вдаль от Рувима, затем остановился и оглянулся, словно приглашая идти за собой.

Карабкаясь руками за дерево, Рувим поднялся, на этот раз уже быстрее. И, словно ребенок, который учится ходить, ступая босыми неокрепшими ногами по заснеженной земле, слегка пошатываясь, поспешил вслед за волком.

Пространство откликнулось на его зов. Его вели.

Глава 2 "Паучье логово"

Туманность Андромеды, звездная система Аль-Сафир, колония Великой Империи 14-Б, планета Шахри, город Магришах, 2897 г.

Говорят, когда-то планета Шахри утопала в бескрайних морях, но время неумолимо унесло с собой все - даже древнюю цивилизацию, от которой остались лишь призрачные следы. То там, то здесь среди раскалённых дюн виднелись полуразрушенные арки, остатки гигантских колоннад, руины храмов, обсерваторий и фрагменты изящных каменных мостов — молчаливых свидетелей ушедшей эпохи. А между ними простирались мертвые реки зыбучих песков, уснувшие вулканы с залежами черного обсидианита, бесконечные лабиринты Камнеморья и величественная цепь горных хребтов, которые, согласно легендам, когда-то были могучими драконами — древними ящерами, чьи тела с течением времени окаменели, превратившись в известняковые исполины, навеки застывшие в последних позах.

И всё же жизнь не покинула эту планету окончательно. В бархатной тьме пустыни, на сотни километров окруженный песками и барханами, словно мираж, сотканный из звездной пыли, раскинулся Магришах. Это был единственный мегаполис Шахри, ее сердце и душа, оазис цивилизации, где сливались воедино культура кочевников, древняя мудрость оседлых народов и технологии Имперских колонизаторов. Вокруг него, подобно кругам на воде, расходились длинные пути караванов, ведущие к деревням бедуинов, мелким торговым городкам и приисковым комплексам.

По ночам две луны - исполинский Захир и маленькая Лиля — заливали город прозрачным фиолетовым светом, создавая загадочную, почти мифическую атмосферу. Узкие извилистые улочки, вымощенные полированным камнем, петляли между домами-пирамидами, спиральными башнями и многоуровневыми караван-сараями; ныряли в резные арочные проемы, огибали выступающие эркеры, сбегали по каскадным террасам и терялись в чередующихся пештаках, будто город нарочно множил один и тот же торжественный вход, запутывая направление.

Гелиотит, из которого были выстроены здания, превращал фасады в световые маяки. Плавные формы, отлитые из солнечного воска, накапливали дневную энергию, а ночью постепенно отдавали её, играя в свете фиолетовых лун переливами от светло-голубого до глубокого пурпурного. С наступлением темноты все архитектурные причуды города словно оживали: сквозь прорези машрабий проступал мягкий свет, ажурные карнизы отбрасывали зубчатые тени, а на фресках вспыхивали тонкие прожилки гелиотита, словно по стенам бежали тихие разряды.

Настолько тихо было в этот миг, что в абсолютной ночной тиши можно было расслышать, как таинственно поют пески, и как размеренно, в едином ритме, гудят энергетические потоки, питающие городские системы. И в этом торжественном покое появление воздушного судна казалось почти святотатством.

Небольшой разведывательный шаттл отделился от имперского крейсера, зависшего на орбите Шахри словно гигантский спрут, и бесшумной тенью скользнул к поверхности планеты. Его силуэт на мгновение затмил звёзды, когда он завис над небольшой посадочной площадкой на самой окраине Магришаха.

Миникосмодром, куда имперский шаттл настроил навигационные огни, предназначался для особо важных гостей. Защитный купол делал его практически невидимым, укрывая от радаров и посторонних глаз. Лишь слабое мерцание энергетического поля выдавало присутствие секретного объекта. Дождавшись условного сигнала, шаттл начал снижение по расчётной траектории, и автоматическая система космодрома сразу активировала протоколы посадки.

Бесшумно раздвинулись сегменты защитного купола, из песка выдвинулись навигационные маяки, задавая кораблю точную ориентацию.

Когда датчики давления зафиксировали касание, купол закрылся. По периметру площадки мягко вспыхнули индикаторные полосы, сигнализируя о переходе в режим стоянки. Шаттл плавно сложил дельтовидные крылья вдоль корпуса, издав тихий механический щелчок. Центральный стабилизатор выдвинулся вперёд, принимая на себя функцию амортизатора, а боковые плоскости с фотохромной имперской символикой плотно прижались к фюзеляжу, придавая шаттлу компактный, клиновидный силуэт. Вся процедура заняла менее 40 секунд, без единого человека в зоне посадки.

В борту корабля бесшумно открылся спиральный шлюз, и из его проёма хлынул поток яркого света. Четверо имперских солдат в энергобронированных костюмах синхронно покинули корабль по выдвинувшемуся телескопическому трапу. Их плазменные штурмовые автоматы тускло поблескивали в темноте. Тактические нейрошлемы скрывали лица бойцов, а движения были отточены годами тренировок. Солдаты образовали защитный периметр, занимая позиции вокруг посадочной площадки. Встроенные в шлемы сенсоры непрерывно анализировали окружающую обстановку, создавая вокруг невидимую сеть наблюдения. Командир отряда, не отрывая взгляда от темноты, подал знак. Только после этого в проеме шлюза показалась фигура высокого человека в парадном мундире имперского инквизитора.

Кайран Валантис ступил на трап с неторопливой грацией, сверкая золотыми эполетами и лакированными гербовыми пуговицами. Черный мундир был туго перетянут в почти юношеской осиной талии, а сапоги начищены до умопомрачительного блеска. По борту, воротнику и обшлагам мундира тянулись крученые алмазные шнуры — знаки дипломатического отличия. Роскошная черная мантия величественно струилась за его спиной, создавая впечатление, будто он окутан тенью самой ночи. Лицо лорда Валантиса выдавало человека, способного читать чужие души: цепкий, пронизательный взгляд, выработанный годами политических интриг, и неподвижность черт, выдающая привычку скрывать собственные мысли, пока чужие раскладываются перед ним, как карты на столе. Воспалённые от бессонных ночей глаза смотрели остро, почти агрессивно — усталость не ослабила его, а обострила восприятие. Шрам, пересекающий правую щеку от виска до подбородка, и глубокие морщины вокруг рта намекали на боевой опыт. Выразительные, четко очерченные скулы с легкой небритостью и благородная седина лишь подчеркивали властный образ человека, чей жизненный опыт закалился в горниле дворцовых интриг и военных переворотов, оставивших в душе шрамы не менее глубокие, чем на лице. В нем угадывалась хищная настороженность охотника, который за доли секунды мог просчитать любой замысел и увидеть скрытые мотивы, пронзая маски и добираясь до самой сути.

Спустившись по отполированным ступеням, он остановился у подножия трапа. Командир отряда почтительно склонил голову: «Путь чист, господин».

Кайран кивнул — его мысли были заняты деталями предстоящей встречи, словно шахматная партия разворачивалась перед внутренним взором.

— Останьтесь здесь — негромко произнес он. В его голосе звучала такая непреклонность, что ни у кого не возникло желания возражать. Не давая времени на размышления, он небрежно поправил мантию и уверенно двинулся вперед по посадочной площадке горделивой, чуть пружинистой походкой военного командира. Неподалеку он заметил стоянку гравиплатов — круглых одноместных платформ с местом в центре для пилота. Транспорт позволил бы быстро долететь до центра, но Кайран пренебрег такой возможностью. Протокол требовал, чтобы представитель Империи вошел в город пешком, демонстрируя уважение к традициям Магришаха.

Пустынные коридоры ночных улиц словно вымерли. Лишь мягкие звуки его шагов нарушали безмолвие, множась гулким эхом в светящемся лабиринте города. Редкие светодиодные

фонари, парящие в воздухе, рисовали длинные тени на мостовой. Пустынный ветер, еще хранящий жар дневного солнца, играл с его плащом, развевая его словно знамя. Кайрана не смущала гнетущая тишина. Он знал: за несколько минут до того, как палящие лучи солнца скроются за горизонтом и Магришах окутает фиолетовый мрак, в городе объявлялось Время Безмолвия. Большие Песчаные Часы на центральной площади меняли цвет песка с золотого на черный, на Сторожевых башнях загорались сигнальные огни, а стражники в красных плащах обходили город, выкрикивая предупреждение местным жителям вернуться в свои дома и не покидать их до рассвета. Ночью улицы принадлежали шпионам и убийцам из местного Клана Тени Дюн, и нарушители этого закона подвергались суровому наказанию. Улицы патрулировались стражниками Теневого Дозора, их призрачные силуэты то и дело мелькали в безлюдных переулках, словно части единого механизма смерти, охраняющего покой Магришаха.

Официально Тени Дюн считались стражами порядка, неусыпно следившими за безопасностью города. Но на деле они были глазами и ушами имперских правителей — собирали разведанные, выполняли тайные поручения и устраняли всех, кто угрожал власти. Среди них были искусные отравители, мастера боевых искусств и скрытных проникновений, талантливые военные инженеры. Империя полагалась на Клан не только как на стражу, но и как на важный инструмент своей военной мощи. Влияние Клана простиралось далеко за пределы центрального города. Тени Дюн контролировали торговые сделки, собирали дань с купцов, охраняли дипломатические встречи, держали в руках нити всех важных событий, происходящих на Шахри. Их невидимая сеть охватывала караванные пути, рынки и тайные перевалы. Тени Дюн были тенью самой Империи.

Но Кайран Валантис прекрасно знал: за показной верностью Империи скрывались собственные амбиции Клана. Тени жаждали власти не меньше правителей, ловко манипулируя информацией и используя свое влияние для укрепления позиций. Каждый их шаг был просчитан, каждое действие имело двойной смысл. И пока Император верил в безоговорочную лояльность Клана, Тени тихо плели собственную паутину, готовясь в нужный момент вырвать власть из его рук. И эта мысль не давала Кайрану покоя.

Он намеренно оставил стражников охранять шаттл. Тени Дюн не посмеют напасть открыто на высокопоставленного представителя Императора — их оружие хитрость. Но они могут поставить под угрозу его возвращение. Достаточно одной незаметной диверсии в системах корабля, чтобы при выходе из атмосферы безобидная поломка оказалась смертельной.

Он слишком хорошо помнил историю их союза, чтобы доверять кажущейся преданности Клана Теней. Всё началось в те далёкие времена, когда Империя пришла на Шахри с огнём и мечом, желая завладеть артефактами, богатыми залежами гелиотита и оазисами с пряностями, которые высоко ценились на межгалактическом рынке. Алчный взор Императора обратился к сокровищам умирающей планеты, где среди бескрайних песков таились следы исчезнувшей цивилизации. Жажда наживы молодого правителя гнала имперские легионы через раскаленные пустыни, и они остро нуждались в местных союзниках и опытных проводниках.

Тени Дюн — один из древнейших кланов планеты, веками хранивший секреты этих земель, — прекрасно понимали ценность своих богатств. Они знали: прямое противостояние с имперской армией приведет к гибели, поэтому выбрали путь дипломатии и хитрости. В рамках обоюдного соглашения они предложили Императору услуги проводников и экспертов в обмен на гарантии автономии и сохранения влияния. Очень скоро Тени стали незаменимым союзником, искусно вплетая свою судьбу в имперские сети власти.

Получив доступ к стратегическим ресурсам и древним технологиям, Император не заметил — или сделал вид, — как утратил истинный контроль над землями Шахри. Тени использовали его поддержку для устранения конкурентов и влиятельных кланов и дефакто стали правителями планеты, сохраняя номинальную лояльность Империи. Но Кайран прекрасно знал, что за фасадом их покорности скрывается изощренное коварство.

Тени Дюн всегда держали в руках козыри. И сейчас у них был секрет, известный лишь избранным — древний артефакт, способный управлять течением времени. Именно ради него Кайран направлялся на эту тайную встречу. Его миссия заключалась не в том, чтобы завладеть артефактом, а в том, чтобы убедиться в преданности Клана и контролировать процесс исследований. Имперская разведка подозревала, что Тени Дюн могут использовать реликвию в своих интересах. Об этой встрече не знал никто — ни местный имперский правитель Зохио Центориан, официально руководящий городом, ни его немногочисленный гарнизон, ни даже ближайšie заместители. И если завтра утром кто-то из гарнизона доложит Зохио о встрече имперского инквизитора со Священным Конклавом, тайна о целях этой встречи останется нераскрытой. Лишь избранные будут знать истинный смысл происходящего, а остальные так и останутся в неведении, гадая о причинах столь необычного собрания.

Когда Император узнал о существовании артефакта, он сразу понял его потенциал. Ведь тот, кто обретет контроль над временем, получит возможность не просто влиять на события, он сможет переписывать историю по своему усмотрению. Император рассчитывал, что клан, веками хранивший секреты реликвии, поможет раскрыть все её возможности, и поручил Теням разработку темпорального оружия. На плечах Кайрана лежала тяжелая ноша — внимательно следить за ходом работы над этим опасным, но поистине великим проектом. Он понимал, что артефакт может стать решающим фактором укрепления могущества Империи. Но если Тени Дюн ведут свою игру, эта разработка может обернуться катастрофой.

Внезапно ветер донёс едва уловимый шорох, и Кайран замер, вслушиваясь в мертвую тишину города. Его рука инстинктивно легла на рукоять бластера, закрепленного на поясе. Из-за угла дома бесшумно материализовалась фигура в черном одеянии шпиона Теневого Дозора. Лицо незнакомца скрывала чёрная вуаль, ниспадающая с тюрбана, а его движения были плавными и расчётливыми, словно у змеи, готовящейся к удару.

— Приветствуем вас, господин инквизитор, — голос незнакомца был глухим, искажённым специальным устройством. — Мы ждали вашего прибытия.

Кайран слегка кивнул в ответ, не отпуская руку с бластера.

— Ведите, — коротко бросил он.

Незнакомец молча повернулся и двинулся вперед, Кайран последовал за ним, держа оружие наготове. Он петлял вслед за проводником по хмурым переулкам, где фиолетовые сумерки смешивались с огнями парящих фонарей. Иногда они погружались во мрак коротких подземных переходов, освещенных тусклым мерцанием масляных ламп. Он едва поспевал нырять за ним в ложные ниши и слепые арки — тайные лазы, где за фальшивыми стенами с арабесками, витиеватой решёткой или нависающим карнизом скрывались узкие лестницы, ведущие вниз. Кайран замечал, как в световых пятнах мелькают другие фигуры в чёрных одеяниях. Они возникали из ниоткуда, бесшумно перемещались в полумраке и снова растворялись в тени между освещенными участками. Они следили, охраняли, ждали.

Вскоре они оказались на маленькой площади, вернее сказать, во внутреннем дворе, хорошо освещенном парящими фонарями. Двор со всех сторон окружали ряды лавок с навесами из выцветшего полосатого полотна; рядом с лавками сушились ковры и мотки с тканями разных фактур — от грубой мешковины до тончайшего шёлка с металлическим отливом. Вдоль стен висели связки пряностей, стояли кожаные бурдюки с маслом, друг на друга были навалены тюки с шерстью и рогожные кули с углями для жаровен. У столбов кое-где были привязаны выючные звери с мощными шеями и короткими кожистыми крыльями — склиффы. Они мирно жевали траву из кормушки, время от времени вздыхали и сонно поглядывали по сторонам. Рядом дремали усталые гамалы, опустив длинные шеи. В складках их мясистых губ виднелись остатки колючек — запас на утро. Горбы, тяжёлые от накопленного жира, были укрыты косматой шерстью, не пропускающей зной. На прилавках — ни фруктов, ни мяса, ни свежей выпечки: всё это появится только утром. Базар спал до восхода солнца.

Торговый двор упирался в подножие одного-единственного здания неправильной формы и различной в разных своих частях высоты, с двумя разномастными куполами и колоннами, образующими переход к массивным пилонам. Прежде всего бросалось в глаза, что это невероятное сооружение сработано в незапамятные времена. Кайрану показалось даже, что оно старше людей, старше самой Шахри. Не оставалось сомнений, что это была Священная Цитадель — творение рук Древних. Когда Кайран поднял голову, край самой высокой части стены растворился во тьме — он не смог разглядеть верха. Цитадель нависала над городом, словно карающая длань: над базаром, над пустыми улицами. То ли оттого, что ее основание вросло в кроваво-красный останец, то ли из-за уродливых архитектурных форм, — в ней было нечто устрашающее для людских глаз. К парадному входу вела длинная лестница, высеченная прямо в камне; по бокам перил застыли статуи гаргулий и стражей-ифритов с изъеденными временем лицами.

Вслед за проводником Кайран ступил на черную тень ее стен, взрезавшую песок зубчатыми и пикообразными остриями. Поднимаясь все выше, он отметил, что склоны останца были так же неприступны, как и само сооружение; он не мог найти в красной скале выступов, а в гладких фасадах Цитадели, похоже, не было ни одного лаза. У подножия склонов виднелись остатки дополнительных укреплений — контрфорсов, рвов и гласисов. Высокие парапеты с прорезными машрабиями чередовались с глухими башнями, лишь изредка встречались узкие щели бойниц, обрамлённые стрельчатыми арками. Вправо и влево от Цитадели под уклон тянулись защитные стены, образуя линию обороны. За их зубчатыми краями виднелись караульные башни бастионов клана. В полумраке Кайран различил фигуры дозорных на смотровых площадках, ряды фортификационных галерей, сигнальные огни, пульсирующие через равные промежутки. Между башнями с монотонным жужжанием скользили дроны-часовые, похожие на хищных жуков. Из глубины Цитадели доносился отдалённый механический гул — похоже, работали системы жизнеобеспечения. Кайран знал: за бастионами располагается военный космодром Империи, но сейчас он безмолвствовал — грузоперевозки осуществлялись только днём, чтобы не тревожить покой жителей Магришаха. Взгляд инквизитора невольно поднялся к небу — в свете сигнальных огней вдруг промелькнул свирепый силуэт огромного крылатого зверя. Боевые драконы клана патрулировали город: они скользили во тьме, почти невидимые, и оттого ещё более опасные.

Перед прибытием на Шахри Кайран изучил конструкцию Цитадели, опираясь на данные разведки и голографические реконструкции картографов. Но вот он здесь — и не может избавиться от ощущения, что в этих данных многого не хватает, причём ключевых деталей.

Согласно отчётам, сооружение было продумано до мелочей: сейсмические амортизаторы защищали от подземных толчков и движения песчаника; между колоннами располагались подвижные панели, автоматически закрывающиеся при песчаных бурях; вентиляция включала многоуровневые фильтры, воздуховоды и охладители, спрятанные в толще стен. Вода подавалась через систему подземных акведуков, питая не только бастионы, но и весь город. Купола Цитадели состояли из многослойных пластин с изменяемой прозрачностью, в определённые часы они закрывались или пропускали свет.

Но это была лишь видимая часть, верхушка айсберга. Согласно данным, под ногами Кайрана раскинулся еще один мир, существующий параллельно надземному.

О подземельях Цитадели ему было известно мало, и это тревожило. Разведке не удалось составить даже приблизительной карты, поскольку тайные помещения располагались глубоко под песком, вне зоны действия имперских георадаров. Там скрывались казармы, тренировочные залы, лаборатории.

Кайран мысленно наложил схему наземных укреплений на пустоту под землёй и содрогнулся — под ногами раскинулась целая подземная крепость, невидимая, неуязвимая, готовая в любой момент выбросить из своих недр тысячи обученных бойцов.

Особые опасения вызывала система защиты Цитадели, больше походившая на лабиринт изоощренных ловушек. В отчетах разведки упоминались ядовитые иглы в колоннах, песчаные завесы, заполняющие коридоры, подвижные полы и оптические иллюзии. Всё было замаскировано под элементы архитектуры. Поэтому, осторожно ступая по широким ступеням мимо устрашающих изваяний, Кайран старался ни к чему не прикасаться и не делать лишних шагов. Даже опытные члены клана должны были постоянно помнить о расположении опасных участков.

Приблизившись ко входу, Кайран вдруг осознал, что зияющая тьма между колоннами, которую он поначалу принял за пустоту, на самом деле — громада чёрных ворот, которыми была запечатана Цитадель.

Проводник остановился, и Кайран смог разглядеть массивные двери из обсидианита, — материала, рожденного в древних вулканах Шахри при застывании лавы. Глянцевые панели отливали глубоким, почти мистическим блеском. Толща камня при этом казалась живой, будто камень продолжал медленно течь, сохраняя форму только благодаря неведомой силе. То тут, то там на поверхности дверей вспыхивали руны и пентаграммы, напоминающие следы ладоней и когтей, словно демоны бились изнутри о каменную преграду. Воздух вокруг дверей казался тяжелее, а в ушах появился легкий гул, будто где-то вдалеке звучал длинный, протяжный удар огромного колокола.

За мрачным фасадом адских дверей, призванных внушать непосвящённому гостю первобытный страх, опытный взгляд Кайрана сразу различил технологии молекулярного инжиниринга. Нити квантовых процессоров и биоадаптивных механизмов пронизывали толщу обсидианита, создавая иллюзию магического сияния первозданного зла. Нельзя было сказать наверняка, какие функции выполняли эти врата. Возможно, они служили не только порталом, но и мощным информационным накопителем, способным хранить терабайты данных, или даже выступали в роли квантового процессора, поддерживающего работу всей системы укреплений. А может, и тем, и другим одновременно — древняя технология явно превосходила современные аналоги.

— Здесь я должен оставить вас, господин инквизитор, — произнёс с поклоном дозорный и медленно растворился в темноте.

Кайран протянул руку к дверям, с виду не имеющим ни поручней, ни сенсорных датчиков, как вдруг услышал позади себя тихое шуршание, переходящее в бульканье. Он резко обернулся, одним движением выхватывая бластер из кобуры, и замер в оцепенении, чувствуя, как волосы на его руках становятся дыбом.

Кашляя и извиваясь, стряхивая с конечностей и крыльев вековую пыль, каменные чудища на перилах Цитадели начали оживать. Они с омерзительным клацаньем разминали челюсти, демонстрируя ряды острых клыков, и с противоестественной грацией выворачивали суставы, которые вдруг появились там, где их быть не должно. Камень покрывался трещинами, из которых сочился темный туман, окутывая фигуры призрачной дымкой. Широкие ноздри раздувались, жадно втягивая окружающие запахи. Почуввав присутствие чужака, все статуи на мгновение замерли и одновременно повернули головы в сторону Кайрана, будто по невидимой команде. Два десятка багровых зрачков, словно огни преисподней, уставились прямо на него в немом ожидании. Одна из гаргулий, сидевшая к нему ближе всех, вдруг стала неуклюже сползать с перил: сначала опустили на ступени тонкие когтистые руки, затем последовали искривленные ноги, одна за другой, издавая тошнотворный хруст. Кайран попятился, сжимая в руках бластер, и почувствовал, как прижался спиной к холодным вратам. Уродливое тело гаргульи, похожее на жуткое порождение демоницы и летучей обезьяны, содрогнулось в немом рыке, вытянув длинную шею и округлив костлявую спину. Тяжелые перепончатые крылья с тихим скрежетом прорвали каменное покрытие, как яичную скорлупу, и тварь резко взмыла в воздух, застыв в паре метров над головой Кайрана. Тот отчетливо слышал хлопки ее мощ-

ных крыльев - настолько отчетливо, что мог посчитать каждый взмах по возникающим воздушным волнам. Мерцающие в полумраке чешуйки, мускулы, играющие под шершавой кожей, оскаленная пасть, кожистые наросты на голове — всё это было живым, трепещущим, демонически-грозным. Ее присутствие было настолько материальным и осязаемым, что кровь стыла в жилах от осознания: перед ним не иллюзия, не голограмма, а живое воплощение древнего ужаса. Воздух вокруг наполнился запахом озона и камня. Кайран выстрелил, не дожидаясь атаки. Лазерный луч дважды вспорол тьму ослепительной вспышкой, с характерным треском достигнув цели. Но чудище, не получив повреждений, лишь шире распахнуло пасть, из которой вырвалось клубящееся облако пыли. Сделав в воздухе изящный пируэт, гаргуля с пронзительным клокочущим воплем устремилась ввысь, исчезая где-то в тени купола Священной Цитадели. Остальные статуи на мгновение замерли, наблюдая за ее полетом, а затем, словно получив некий сигнал, начали медленно возвращаться в первоначальное положение. Темный туман постепенно рассеивался, трещины на их телах затягивались, но багровые огоньки в глазах продолжали мерцать, будто предупреждая незваного гостя о том, что они лишь временно отступили.

Кайран выдохнул, по его спине пробежал холодок — не от страха, а от мысли, что перед ним творение, превосходящее его понимание. «Сколько же тайн скрыто в этом месте?» — подумал он, опуская бластер и вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Спиной он вдруг ощутил тонкую дрожь камня, и повернулся лицом к дверям. Массивные створки врат начали медленно расступаться, скрываясь в глубоких нишах по обе стороны стены. Перед Кайраном открылся интерьер каменной залы, и он сделал несколько осторожных шагов в полумрак.

Здесь было тихо и пусто. Лишь лёгкое эхо его шагов утонуло в необъятном пространстве. В самом центре залы парил голографический шар-проектор для создания объемных изображений. Мерцающий свет кристаллов, встроенных в своды купольного потолка, наполнял помещение приглушённым сиянием. Вдоль стен тянулись ряды колонн, увитых культовой символикой, а в нишах мягко искрились левитирующие сферы — энергетические накопители, источающие сложные узоры силовых полей. Тени от колонн танцевали на стенах и мраморных полах, создавая иллюзию движения религиозных знаков. В дальнем конце зала возвышался семиступенчатый алтарь, искусно высеченный из матового исполинского кристалла. Кайран невольно отметил, как идеально отполированы поверхности — ни единого изъяна. Над кристаллом нависала арка энергетического поля — конструкция из переливающихся синим светом силовых установок. Назначение алтаря оставалось для инквизитора загадкой, хотя кое-какие подозрения у него имелись на этот счет. Было похоже, что кристалл действовал как информационный накопитель, в структуре которого были закодированы знания Древних людей. Арка, по всей видимости, служила интерфейсом для доступа к этим данным.

Кайран замер, стараясь визуально оценить обстановку вокруг. Он огляделся, чувствуя, как обострился каждый нерв, пытаясь уловить малейшие изменения в окружающем пространстве. Тем не менее, боковое зрение его подвело: он не заметил, как из полумрака колонн появились фигуры в темно-синих мантиях.

Только когда одна из фигур бесшумно возникла прямо перед ним, Кайран осознал, что они уже давно здесь и наблюдают за каждым его движением. Что-то снова неприятно сжалось внутри него — он понял, что недооценил мастерство Теней. Их искусство скрываться и появляться из ниоткуда превосходило его ожидания. То, как бесшумно они двигались, как скрывались с темнотой и возникали будто из воздуха — всё это говорило о совершенном владении своим ремеслом. Они могли материализоваться там, где минуту назад не было ничего, кроме пустоты, и исчезать в мгновение ока. Он осознал, что имеет дело с элитой невидимок, чьи навыки превосходили его представления о возможностях человеческого тела и разума.

В тот же миг еще шесть фигур синхронно выступили из тени, застыв чуть позади первого прибывшего. Их лица оставались скрытыми в полумраке, лишь отблески светильников

играли на краях капюшонов. Это был Священный Конклав Теней — семь Магистров высшего ранга. Движения их были плавными, почти танцевальными, но в каждом жесте читалась скрытая угроза. Пальцы сложились треугольником у груди — безупречном жесте почтения.

Первый из прибывших шагнул вперед. Кайран сразу понял, что это Малиока — Верховный Магистр клана. Его фигура казалась выше остальных, хотя Кайран не мог понять, так ли это на самом деле или просто игра теней.

— Добро пожаловать в наши чертоги, посланник Империи, — раздался его вкрадчивый голос. - Уверяю вас, здесь вы в полной безопасности. — Малиока кивнул на бластер, который Кайран все еще держал в руках. — Наш биомеханический страж лишь следовал защитному протоколу, демонстрируя свою бдительность. Его реакция — это скорее комплимент вашей... решительности. — Малиока слегка улыбнулся, словно пытаясь разрядить обстановку. - Поверьте, оружие вам не понадобится.

Кайран неохотно спрятал бластер в кобуру, не сводя глаз с главы конклава. Он слышал ранее о технологиях слияния плоти и камня, но видеть воочию до сих пор не приходилось. Очевидно, гаргуля, напавшая на него у врат, была генетическим гибридом, созданным путем сплава органических и минеральных тканей. А ее каменная форма — «спящим» режимом, запускаемым при отсутствии угрозы. Почувяв Кайрана, гаргуля активизировалась и начала действовать по заложенной в нее программе, проводя анализ его личности, статуса и намерений через встроенные сенсоры.

— Мы ждали вашего прибытия, лорд Валантис, — продолжил Верховный Магистр с напускной учтивостью. Лица его Кайран не разглядел: из-под низко надвинутого капюшона виднелся лишь острый подбородок и тонкие, синеватые губы, сжатые в жесткую линию. Руки, выглядывающие из рукавов, были жилистыми, с длинными пальцами — такие руки могли умело держать как древний свиток, так и плазменный меч. Кайран обратил внимание на странный шрам, проступающий в том месте, где капюшон немного отодвигался при движении. Он начинался у скулы и тянулся вниз, к шее, расходясь по коже тонкими радиальными линиями, будто след от выплеснутого пламени. «Не человеческий огонь его выжег», — подумал Кайран. Кожа в этом месте превратилась в хрупкий пергамент — маслянисто-фиолетовый, покрытый паутиной трещин. Казалось, шрам не зажил до конца: в его глубине проступали тусклые искры, как от тлеющих углей под пеплом. Кайран почти чувствовал, как под этой коркой медленно догорает нечто, не способное угаснуть.

— До нас доходили слухи о том, что Император особо выделяет Вас среди прочих своих слуг, — в голосе Магистра проскользнула едва заметная ирония. — И для нас честь принять того, кому доверено столь многое. Хотя, как мы знаем, даже Вы не всё доверяете своему повелителю,

Кайран чуть приподнял бровь, сохраняя бесстрастное выражение лица и демонстрируя, что пренебрежительное упоминание о «слугах» не задело его.

— Благодарю за тёплые слова, Магистр. — сказал он с легким поклоном. — То, как вы владеете информацией, достойно восхищения. Однако время не ждет, я бы хотел перейти к сути вопроса.

Кайран шагнул навстречу магистрам, его тень легла на светящийся узор пола, словно становясь частью древнего ритуала.

— О, мы ценим информацию превыше всего, — улыбаясь, подхватил Малиока, делая вид, что не заметил последней фразы и её требовательного тона, — Особенно ту, что может пригодиться в будущем. Возможно, сначала вы расскажете нам кое-что?

Кайран слегка нахмурился.

— Например?

— Например, почему Император послал именно вас? Согласитесь, любопытно, что Император доверил столь деликатное дело своему инквизитору. Это говорит о высоком уровне доверия или, возможно, о чём-то другом?

Кайран слегка наклонил голову, его взгляд оставался холодным и пронзительным. Он понимал, что Верховный Магистр пытается вывести его из равновесия, но не показывал ни единой эмоции.

— Возможно, Император ценит мою способность хранить тайны и действовать вне привычных рамок, — ответил Кайран сухо. — А может быть, он просто знает, что я не подведу.

— И все же? — не унимался Малиока, — почему именно Вы?

— Доверие Императора — не предмет для обсуждения, Магистр, — как можно мягче сказал инквизитор, не отрывая взгляда от собеседника. — Моя должность позволяет принимать решения, которые могут идти вразрез с обычной бюрократической рутинной. И, при всём уважении, мои полномочия позволяют мне задавать вопросы. И я намерен воспользоваться этим правом.

Остальные члены клана едва заметно переглянулись. Малиока поднял руки в примиряющем жесте:

— Как скажете, лорд Валантис. Мы лишь пытаемся лучше понять ситуацию. В конце концов, любое сотрудничество требует взаимного доверия.

По сути, это была разведка позиций — попытка оценить реальный вес и возможности имперского представителя, не выходя за рамки дипломатических переговоров.

— Ваши попытки прощупать мои границы бессмысленны, — сдержанно обозначил Кайран. — Я понимаю ваше беспокойство, но мы здесь по важному делу, и у нас нет времени на пустые разговоры.

— Пустые? — почти искренне удивился глава Клана. — Каждое наше слово имеет вес. Просто некоторые из них тяжелее других.

Он мягко подплыл к имперскому инквизитору, чуть коснулся его плеча, жестом приглашая вглубь зала. Кайран невольно сравнил их рост — Малиока оказался ниже на полголовы и выглядел почти хрупким на фоне высоких сводов. Кайран неспешно последовал за ним, подбирая слова примиряющего тона.

— Если слова имеют вес, то дела имеют значение, — сказал он как можно деликатнее. — Давайте сосредоточимся на последнем. Что вам известно о...

— О, позвольте угадать, — перебил его Малиока. Он явно не собирался уступать инициативу. — Вас интересует то, что мы могли бы утаить? Или то, что Император, возможно, не рассказал вам?

— Я не привык обсуждать действия Императора или сомневаться в его решениях. — не уступал Кайран, краем глаза наблюдая за Магистрами Конклава. — Меня интересует только то, что относится к моему заданию. Остальное — вне моей компетенции.

Малиока остановился и наклонился к нему, понизив голос:

— А что, если я скажу, что у нас есть информация, которая может изменить ваше представление о происходящем? Информация, которой Император, возможно, не поделился с вами?

Это была виртуозно расставленная ловушка. Кайран не мог не оценить замысел Малиоки. Достаточно малейшей заинтересованности в глазах, секундного колебания, крошечного отклонения от заданного курса — и верность имперского инквизитора поставили бы под сомнение. Кайран шел по острию ножа.

— Если ваши слова - попытка шантажа, вы выбрали не того собеседника, — так же тихо, но жёстко отозвался он. — Все мои помыслы направлены на процветание Империи, и я не потерплю попыток поставить под сомнение мою лояльность. Так что давайте не будем играть

словами. Если ваша информация имеет отношение к делу — извольте изложить. Если нет — мы теряем время.

Магистр окинул его задумчивым взглядом.

— О, время — это то, чем мы распоряжаемся с особой осторожностью, — загадочно ответил он. — И поверьте, каждое его мгновение мы используем с пользой. Для обеих сторон.

— Если вы так умело распоряжаетесь временем, почему не переходите к сути? Сомневаетесь в моих полномочиях?

— Ваши слова звучат как упрек, инквизитор, — с притворной обидой протянул Малиока, внимательно наблюдая за реакцией Кайрана. — Я не сомневаюсь в ваших полномочиях, просто пытаюсь осмыслить вашу роль в происходящем.

— Я служу Империи. И это не роль, а суть. А вот ваши мотивы остаются для меня загадкой.

— Мы служим высшей цели! — Малиока театрально вскинул руки и сделал несколько шагов вдоль зала, повернувшись к Кайрану спиной. — И она превосходит рамки имперских инструкций. Если же наши мотивы кажутся загадкой, возможно, истина вас слишком ослепляет.

— Я предпочитаю видеть факты, а не угадывать истину за завесой красивых речей, — парировал Кайран. Он не сдвинулся с места; его тень на стене оставалась неподвижной, как клинок.

— А полностью ли вы понимаете суть своей миссии? — Малиока обернулся. — Вы уверены, что видите всю карту, или только ту часть, что вам позволили увидеть? Что, если не вся правда вам известна? Возможно, есть что-то, чего Император не посчитал нужным вам рассказать?

Кайран помолчал. Затем произнёс, чеканя каждое слово:

— Я доверяю Императору — и этого достаточно. Уверен, мне дали всё, что нужно. А вот любое утаивание информации *от вас* может поставить под угрозу успех нашей миссии.

Малиока вздохнул и снова отвернулся, будто устав от непонятливости собеседника. Кайран продолжил, сверля взглядом тощую спину:

— Позвольте предупредить. Я добуду нужную информацию. Через вас или минуя вас. Через каналы, о которых вы, возможно, не подозреваете. У меня есть доступ к Императору — и я докажу, что помощь Теней Дюн избыточна. И тогда ваши тайные знания превратятся в пыль.

Малиока обернулся не сразу. Он словно поразмыслил пару секунд, прежде чем благодушно раскрыть ладони навстречу Кайрану. В его голосе промелькнули нотки тревоги и удивления:

— К чему угрозы, лорд Валантис? В моих намерениях не было чем-либо оскорбить вас. Я лишь проверяю прочность стали, из которой вы сделаны. Ведь данные, которыми мы располагаем, не для всех ушей.

— Ваша осторожность похвальна, — ответил Кайран столь же миролюбиво. — Но может не будем тратить время на взаимные проверки? Я прибыл сюда не для угроз и обвинений. Моя личность и уровень допуска подтверждены командованием. Предлагаю прекратить эти игры и перейти к главному вопросу.

Малиока замер на миг, будто взвешивая варианты. Наконец, уголки его губ дрогнули в холодной улыбке:

— Любопытно наблюдать, как пламя решимости в душе человека может сосуществовать с ледяным самообладанием, — протянул он, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на уважение. — Что ж, лорд Валантис извольте узреть плоды наших трудов.

Он вытянул руку в приглашающем жесте, указывая на центр зала, где парил голографический шар. По знаку Верховного Магистра один из шести членов Конклава, стоявших позади, подошел к шару и легким движением едва заметно коснулся его. Пространство в центре зала

озарилось мягким голубоватым светом. Механизмы шара активировались, и в воздухе возникла голографическая проекция многочисленных расчётов и диаграмм.

— Мы подготовили предварительные схемы темпорального оружия, — произнёс Малиока. — Теперь вы можете увидеть все своими глазами.

Магистры молча наблюдали, как наместник медленно ходит вокруг проекции, изучая каждый элемент конструкции. Наконец Кайран остановил свой взгляд на кристаллической матрице, его брови слегка нахмурились:

— Я вижу, что квантовые стабилизаторы недостаточно эффективны. Император требует более надёжную систему контроля временных потоков.

Верховный Магистр почтительно склонил голову:

— Создание такого оружия требует беспрецедентной точности, Лорд Валантис. Мы работаем не покладая рук над стабилизацией временного потока. И заметно усовершенствовали систему хронопоя.

— Ваши расчеты впечатляют, но они не учитывают возможной флуктуации в первичных потоках, — со знанием дела настаивал Кайран, указывая на схемы. — Смотрите сюда, при определенных условиях стабилизаторы могут дать сбой. Император не примет риск нестабильности.

— Резервные системы готовы, — холодно ответил Малиока. — Вопрос в том, достаточно ли у вас данных, чтобы судить об их эффективности.

Кайран сверкнул глазами. Его палец твёрдо уткнулся в схему:

— Результаты неудовлетворительны, — тон инквизитора звучал непреклонно. — Вы уже и так затянули сроки разработки временных конденсаторов. Сколько ещё времени вы собираетесь тратить на доработку того, что уже должно работать? Вы намеренно тормозите процесс?

— Темпоральный кристалл — не игрушка для императоров, — почти ласково ответил Малиока, но в голосе звенел сдержанный гнев. — Его сила может разорвать ткань реальности! Или вы считаете, что риск оправдан, если награда — милость трона? Системы синхронизации требуют длительной настройки. Если мы запустим систему без калибровки, последствия могут стереть не только этот комплекс, но и половину континента.

Кайран стиснул кулаки — внутри разгорался огонь. Он понимал, что Клан намеренно тянет время, прикрываясь техническими сложностями.

— Империя не может ждать, пока вы выверяете каждый параметр, — прорычал он. — Мы живем в беспокойные времена, магистр. Враги Империи крепнут с каждым днем. А вы кормите нас обещаниями и отговорками. Нам нужны рабочие прототипы, а не теоретические схемы! Император ждёт результатов к солнечному циклу. Промедление — это не просто ошибка. Это измена.

Магистры переглянулись, чувствуя, как накаляется атмосфера. В разговор вступил Кантемир — Магистр Технологий. Кайран без труда опознал его — всё как в досье. Под капюшоном виднелось молодое, чуть суетливое лицо с улыбкой, которая будто извинялась за каждое слово. Мягкие черты, нервные движения — человек, привыкший договариваться. Юный магистр явно стремился найти компромисс, чтобы сгладить противоречия.

— Друзья, давайте не забывать о главном, — мягко произнёс он. — Наши разногласия не должны затмить цель миссии. Понимаю ваше беспокойство, Лорд Валантис, но мы работаем на грани коллапса, — Кантемир развёл руками, словно пытаясь соединить две враждующие стороны. — Нужно синхронизировать хрономодули с пульсацией квантовых полей. Даже микроскопическая неточность запустит цепную реакцию разрушения! Ошибка в миллионную долю секунды инвертирует хронопоток — и волна ударит по нам. Либо мы создадим надёжное оружие, либо уничтожим всё, что пытаемся защитить.

Кайран ощутил, как капля пота скользит по позвоночнику, несмотря на прохладный воздух Цитадели. В его душе разгорался мучительный конфликт между долгом и пониманием технических реалий.

— У меня есть приказ Императора, — произнёс он, стараясь говорить спокойно. — Вы не можете бесконечно затягивать разработку. Если не ускорите процесс, я буду вынужден доложить о вашем саботаже.

Раздался неодобрительный гул. Малиока медленно поднял руку, и остальные члены собрания замерли.

— Мы не саботируем проект, инквизитор, — сказал он почти шепотом, но с каждым словом его тон становился все более напряженным. — Но Вы недооцениваете масштаб задачи. Нам приходится работать с фундаментальными законами мироздания. Мы ступаем в область, где законы физики размываются, — Малиока шагнул вперёд, его голос набирал силу, как шторм. — И не можем позволить себе роскошь поспешности там, где цена ошибки — гибель цивилизации! На нас лежит ответственность за миллиарды судеб! Мы погружаемся в глубины неизведанного, в зоны квантовой нестабильности, где каждый шаг требует запредельной осторожности!

К концу речи его голос достиг почти громовой силы. Кайран слушал молча, сжав челюсти и сохраняя самообладание.

— Это не просто разработка оружия. Это балансирование. На острие иглы. Между наукой и хаосом! Между прогрессом и катастрофой! Между порядком и энтропией!

Малиока наконец замолчал, тяжело дыша. В зале повисла долгая, напряженная тишина. Наконец Верховный Магистр снова заговорил, но уже более спокойно и размеренно:

— Хрономодули требуют точной калибровки, лорд Валантис. — повторил он. — Иначе мы рискуем создать не оружие, а временной парадокс. И это не метафора. Это разрыв причинно-следственных связей. Мы можем стереть сами себя из истории.

В глазах Кайрана вспыхнул гнев, и он рванулся было ответить, что Император не потерпит проволочек и безопасность Империи важнее любых научных изысканий. Но в этот момент Кантемир поднял руку, деликатно прерывая зарождающийся конфликт.

— Позвольте, уважаемые, — произнес он тихим, почти застенчивым голосом, — возможно, наглядные расчеты помогут нам лучше понять ситуацию. Или обнаружить неучтённые переменные.

Не дожидаясь разрешения, он активировал дополнительные параметры на голограмме. Формулы и диаграммы начали появляться в воздухе, создавая трехмерную модель потенциальных рисков. Кайран изучал новые данные, и с каждой секундой его уверенность в собственной правоте таяла.

— Что вы предлагаете? — спросил он, слегка смягчив тон, хотя в его глазах по-прежнему читалось недовольство, а между бровей залегла глубокая складка. Малиока бросил короткий взгляд на Кантемира — тот едва заметно кивнул.

— Мы предлагаем компромисс, — ответил глава клана. В его голосе проскользнули нотки триумфа, но он тут же замаскировал их привычной властью. Внешне он сохранял маску мудрого правителя, готового к диалогу. — Мы ускорим разработку временных конденсаторов на треть, пожертвовав некоторыми второстепенными параметрами. Сохраним все критические проверки безопасности, однако это потребует дополнительных ресурсов. Значительных ресурсов — материальных и человеческих. Нам понадобятся дополнительные энергетические мощности и расширенный штат техников.

— На данный момент, — осторожно добавил Кантемир, — необходимо провести еще несколько циклов тестирования. Каждый этап займет не менее трех декад.

— И нам нужна гарантия, что Империя не будет торопить события, — подытожил Малиока. — Мои люди должны работать без спешки. Это не просьба, а обязательное условие для успешного завершения проекта.

Кайран задумчиво потер переносицу, ощущая под пальцами пульс. Предложение Конклава выглядело разумно, но он должен сохранить баланс сил. В голове крутились цифры: ускорение на треть — это выигрыш, но втрое больше затрат. А если государь спросит, чем оплачена эта любезность? Перед глазами встал образ Императора, его холодный взгляд и тень прошлого провала, когда один неверный доклад стоил кому-то головы. Он ставит на кон свою репутацию. Если что-то пойдёт не так, придётся отвечать. Кайран прикрыл глаза, пытаясь унять нарастающее напряжение. «Нельзя дать им почувствовать верх, — подумал он. — Они и так диктуют условия. Пусть знают — сотрудничество не означает вседозволенности».

— Хорошо. Я доложу Императору о вашей позиции. — Произнёс Кайран снисходительно. Его слова звучали как одолжение, которое он делает собеседникам, идя навстречу их желаниям лишь из милости. — Хотя ваши запросы усложняют мою миссию и делают ее куда более значимой. Дополнительные ресурсы — серьёзное расширение моих полномочий. Я потребую полного доступа к отчётам о ходе работ. Каждый цикл тестирования, каждый перерасход ресурсов — всё должно быть зафиксировано и отправлено в столицу незамедлительно. Это не просьба, а гарантия того, что мы движемся к общей цели.

Верховный Магистр не ответил, но его синеватые губы сжались в тонкую, почти чёрную линию, и в этом едва уловимом движении чувствовалась угроза.

— Император должен оценить важность наших требований, Лорд Валантис, — медленно произнес Малиока. — Как и те, кто стоит за ним.

Свет дрогнул на краю капюшона, очертив лишь контур скулы. Но Кайран понимал: за этой тенью — немигающий взгляд.

— Не сомневайтесь, Магистр. Все будет доложено в мельчайших подробностях, — он слегка поклонился.

Кайран позволил тишине стуситься. Медленно обвел взглядом собравшихся, задерживаясь на каждом лице, скрытом под капюшоном. Его глаза пытались проникнуть сквозь складки тканей. Он хотел сорвать с них мантии — не буквально, руками, но силой слова. Чтобы они не стояли перед ним безликими силуэтами в тени. Один из магистров невольно дёрнул плечом, почувствовав этот взгляд.

— Был рад познакомиться с вами лично, магистр Малиока, — неожиданно для всех назвал он по имени главу Клана, останавливая на нём свой взор. Дипломатический кодекс Шахри не одобрял поимённого обращения — посланнику Империи не положено было знать магистров иначе как по титулам. А их капюшоны предполагали полное инкогнито. Так сохранялась дистанция, подчёркивалась иерархия, соблюдался вековой этикет.

— И с вами, Кантемир, — Кайран улыбнулся ошеломлённому магистру технологий.

Он продолжил называть их имена одно за другим, и каждое звучало как удар по устоям. Он снимал с них покрывала — не церемониальные одеяния, а невидимые доспехи статуса. В этот момент они перестали быть Магистрами Конклава, а стали просто людьми, которых инквизитор знал по именам.

— Якуб, — Кайран повернулся к магистру с чуть сгорбленной осанкой, — Ирсаил, — назвал он четвертого, распознав по манере покусывать нижнюю губу, — Джаббар, — кивнул Кайран в сторону самой массивной и коренастой фигуры, — Леонур, — его взгляд задержался на магистре, который едва заметно покачивал головой в такт внутренним мыслям — почти неуловимое движение, заметное лишь при пристальном наблюдении. Тот замер, понимая, что выдал себя этой привычкой, и Кайран едва заметно усмехнулся: мало кто мог уловить этот жест, а ещё меньше — связать его с Леонуром. — И, наконец, Таларик, — завершил он.

В зале воцарилась мёртвая тишина. Капюшоны чуть склонились друг к другу — магистры обменивались безмолвными сигналами. Кайран ощутил, как внутри разливается холодное удовлетворение. Он не просто нарушил этикет — он переписал правила игры, бросил вызов самой системе. Эти люди веками скрывались за титулами, ритуалами, тяжёлыми тканями мантий. Но имена были истиной. Они не стирались, не забывались, не прятались. И сейчас Кайран обнажил эту истину — не для того, чтобы унижить, а чтобы показать: за маской власти всегда стоят конкретные люди. Люди, чьи привычки он изучил, чьи слабости заметил. Возможно, этот поступок не останется без последствий. Но теперь магистры будут его уважать. Или, по крайней мере, опасаться. И это было важнее любых формальностей.

— Вы сегодня говорили о доверии, магистр, — с ледяной иронией продолжил Кайран, обращаясь к Малиоке. — Но доверие — это когда не приходится гадать, кто перед тобой. Гадать больше не нужно. Мы оба знаем, что я знаю всё. Это и есть доверие. В его настоящей форме.

Он обвёл взглядом магистров, позволив себе лёгкий торжествующий оскал, который тут же скрыл в сдержанном церемониальном поклоне.

— До встречи, почтенные, — произнёс он с напускным пиететом. — Надеюсь, в следующий раз нам не придется ходить кругами.

Он развернулся к выходу с грациозной уверенностью, резким движением поправляя мантию. Когда достиг массивных дверей, на мгновение остановился, обернувшись через плечо:

— Помните: Империя не терпит поражений. Время покажет, кто действительно достоин доверия.

С этими словами он вышел в полумрак коридора. Двери за его спиной начали медленно смыкаться, издавая глухой стон.

Его сопровождающие, до этого момента державшиеся в тени, мгновенно материализовались рядом. Они двигались бесшумно, словно призраки, но Кайран уже не обращал на них внимания. Он думал только о том, как преподнести эту встречу Императору. И о том, что Тени Дюн, возможно, готовят свой собственный план.

Когда двери за посланником Империи закрылись, Магистр Внешней разведки Таларик задумчиво произнес:

— С ним будут проблемы.

Его слова ядовитой пылью повисли в воздухе. Малиока задумчиво скользнул взглядом по лицу Таларика, но спорить не стал, ожидая, что скажут остальные.

— Любопытно, как Император доверяет этому выскочке, — ухмыльнулся магистр обороны Джаббар, которого Кайран узнал по военной выправке, — Он словно пёс, которого прикармливали объедками с господского стола.

Якуб нервно поправил мантию, пальцы тербели пояс:

— Беспокоит меня его осведомленность. Слово Император лично наставлял его. Откуда у инквизитора столько информации о нас?

— Император всегда славился умением подбирать верных людей, — согласился Таларик. — Но этот слишком умён. Слишком расчетлив. Мы думали, что сможем манипулировать им, но теперь я не уверен.

— Он всего лишь пешка в большой игре, пусть и хорошо обученная, — магистр идеологии Ирсаил издал короткий смешок, — Но даже самая умная пешка остается пешкой. Мы же создадим нечто, что выведет нас за пределы его понимания.

Его слова прозвучали вызовом, декларацией новой стратегии. Уверенность Ирсаила заставила магистров обменяться взглядами. Малиока кивнул — он ждал этих слов.

— Что скажешь, Леонур? — спросил Малиока, пристально глядя на магистра внутренней безопасности, слегка наклонив голову в знак уважения.

Леонур поправил складки мантии тонкой аристократической рукой. Голос его звучал с привычной учтивостью.

— Ветер уже меняет пески, ваше святейшество. Вопрос лишь в том, успеем ли мы приспособиться к новому узору.

— Что ты имеешь в виду?

— Мои агенты сообщают о необычной активности имперского флота на восточных рубежах. Особенно тревожным видится усиление патрулирования в секторе Омега-1 и перемещение крупных военных крейсеров к границе с нейтральными территориями.

Он помолчал немного. После паузы его голос остался безупречно ровным:

— Пока это лишь разведданные, но они указывают на подготовку к масштабным действиям. К тому же есть сведения о поставках ресурсов и оборудования в приграничные сектора. А новый инквизитор... Его рвение граничит с одержимостью. Император лично курирует некоторые проекты лорда Валантиса. Даже спорные решения получают одобрение в столице.

Кантемир наконец подал голос:

— Значит, Император доверяет ему, — тихо произнес молодой магистр, не отрывая глаз от мозаичного узора на полу. И, немного помолчав, добавил, словно сам удивился своей мысли:

— Но мы можем использовать это доверие против них обоих.

Взоры магистров обернулись к нему.

— Император думает, что держит нас на поводке, — продолжил Кантемир, слегка заикаясь от волнения. — А разве истинная власть не у того, кто владеет временем? Этот инквизитор... он же не сам по себе. Лишь инструмент в чужих руках. Он не всемогущ. Он зависим. — Кантемир глотнул, поскольку комок в горле мешал ему говорить. — Мы можем перерезать их нити и привязать свои. Если возьмем управление — он станет марионеткой. В наших руках.

Кантемир вытянул для наглядности свои руки и тут же осекся, осознав, что озвучил опасную мысль. Глава конклава одобрительно положил ладонь на его плечо.

— Именно, мой юный друг, — произнес он с лёгкой улыбкой. — О, сколь стремительно кружится колесо судьбы! Еще вчера ты склонялся над свитками в залах Магистрата, а ныне твои мысли уже касаются вершин имперской политики. Воистину, ты на верном пути, Кантемир.

Вдохновленный похвалой Малиоки, Кантемир заговорил уже более уверенно:

— Предлагаю направить его внимание на второстепенные разработки. Я создам видимость прогресса по нужным Императору направлениям, пока мы работаем над истинным прорывом. Пусть думает, что следуем его указаниям. А мы тем временем разработаем то, что изменит баланс сил.

В глазах магистров вспыхнул азарт. Они стояли на пороге эпохи, где власть измеряется не военною мощью, а умением управлять временем. И ничто не остановит их на пути к этой власти.

— Магистр Таларик может организовать утечку, — предложил Кантемир, — Информация о якобы ключевых исследованиях на периферии отвлечёт внимание.

— Сделаю с превеликой охотой, — согласился магистр внешней разведки. — Мои источники в исследовательских центрах внедрят убедительную легенду. Имперская разведка утонет в зыбучих песках дезинформации, будьте уверены.

Малиока улыбнулся:

— Великолепно. Мы создадим для Императора театр теней, и он увидит лишь то, что мы позволим. И когда придёт час, наши тени поглотят его свет.

Тонкие губы Малиоки растянулись, обнажив мелкие острые зубы, которые зловеще блеснули в полумраке зала. В его оскале сквозило нечто нечеловеческое. Кантемир ощутил, как по телу пробежала дрожь. Рука Верховного Магистра, по-прежнему лежавшая на его плече,

вдруг показалась обжигающе холодной, словно принадлежала не живому существу, а мумии, извлеченной из могилы.

— Не подведи меня, друг мой, — услышал Кантемир шипящий голос Малиоки. Он проник в его сознание, минуя слух. Голос звучал одновременно возле уха и в голове, вливая в вены ледяной холод. — Потому что пути назад сожжены. Твои таланты привели тебя в Верховный Конклав. Но теперь, когда ты оправдал наше доверие, я могу снять последнюю завесу с твоих глаз. Ты войдёшь туда, где свет не достигает дна.

Под лиловым шрамом на лице Малиоки вспыхнули искры, словно кто-то раздул угли костра. Фиолетовые нити, шипя и потрескивая, начали расплзаться от центра шрама подобно живой паутине. Они обвивали шею Малиоки, оплетали плечо, стекали по руке к пальцам — и, коснувшись плеча юного магистра, впились в кожу тусклым пламенем.

Глаза Малиоки светились тем же лиловым огнём.

Кантемир вздрогнул. В месте касания кожа онемела, а затем по ней разлился леденящий холод. Юного магистра пронзила ужасающая истина: теперь он по-настоящему вовлечён в игру, где ставки — не просто власть, а нечто гораздо более мрачное и древнее. То, что он считал честью, обернулось путём в бездну, откуда нет возврата.

— Свет для слепых, — раздался в его сознании голос Малиоки. — Ты же увидишь настоящую картину. Ты хотел знать, что за пределами света? Теперь ты внутри.

Все вокруг погрузилось во тьму. Холодный пот выступил на лбу Кантемира, а плечо сковала дикая боль. Он хотел закричать, но крик застрял в горле. Сознание начало ускользать, как песок сквозь пальцы, время остановилось, превратившись в клубок переплетающихся теней. Магистры переглянулись, понимая, что ритуал Посвящения достигает кульминации. Таларик и Джаббар отступили на шаг, давая пространство происходящему. Кантемир ощутил, как неведомая сила растекается дальше, от плеча по венам. Не огонь, не свет, а густая, тягучая масса, заполняющая каждую клетку. Он ощущал, как меняется структура клеток, как перестраивается зрение. Древние знания просачивались в его разум, вытесняя сомнения, разбивая в прах его прежние убеждения и мысли. А затем он услышал голоса. Многочисленные, шепчущие, они звучали отовсюду и ниоткуда одновременно. Его разум наполнился образами древних ритуалов, забытых знаний и запретных истин.

Он не знал, сколько времени прошло в этом мраке. Возможно, несколько секунд, но казалось, вечность промелькнула перед его взором, прежде чем тьма начала медленно рассеиваться. Голоса постепенно стихли, словно уплывая в невидимую даль. Их шепот еще долго отзывался в его сознании, но уже не причинял острой боли. Когда зрение окончательно вернулось к нему, Кантемир увидел перед собой улыбающееся лицо Малиоки. Глава конклава смотрел на него с удовлетворением, словно художник, любующийся завершенным шедевром.

— Добро пожаловать в Тень, — произнес Малиока своим обычным вкрадчивым голосом, в котором все еще слышались отголоски древней силы, что недавно окутывала их обоих. — С этого момента ты действительно посвящён.

Магистры почтительно склонили головы, а Малиока сделал шаг назад — ритуал завершен. Кантемир выдохнул, приходя в себя. Ноги подкосились. Кто-то из магистров шагнул вперёд, готовый поддержать его, но он отрицательно покачал головой — не надо. Спину сдавило спазмом, будто остатки тьмы не хотели отпускать его. Мир выглядел слишком чётким, слишком обыденным. Даже улыбка Малиоки казалась неуместной в этом новом, оглушительно ясном мире. Где-то в плече поселилось нечто чужое, инородное, и оно пульсировало, разливая по венам тепло — вязкое, как расплавленная смола. Это была тьма Малиоки, вплетённая в его плоть. Кантемир попытался спросить, сможет ли он теперь перемещаться в Тени так же легко, как остальные члены Конклава, но звук не вырвался из пересохшего горла. Малиока уловил движение его губ и едва заметно улыбнулся:

— Всё придёт. Но не сразу.

В его словах Кантемир уловил то, что не смог бы назвать с уверенностью: обещание или предупреждение? В ответ он лишь смиренно кивнул.

Юный магистр чувствовал себя опустошённым и одновременно переполненным. Новые знания не умещались в его сознании, будто в череп втиснули целый архив. Он потер пальцами веки; тусклый свет зала теперь казался слишком ярким, будто его глаза ещё не привыкли к миру, где нет бездонной Тени. И в этот момент понял: что-то внутри него больше не принадлежит ему. Кантемир слышал, как стучит его сердце: слишком быстро, слишком громко, будто пытаюсь догнать ускользающее осознание.

Внезапно его обостренный слух, словно настроенное до предела чутье зверя, уловил тончайшее движение воздуха где-то в недрах зала. Он огляделся и увидел, что тень между колонн оторвалась от чернильной кромки, начала дрожать и сгущаться, втягивая свет, как губка. Темная масса пульсировала и клубилась, становясь плотной и осязаемой. Постепенно она росла, контуры обретали форму. Еще один миг — и тень материализовалась в фигуру человека.

Магистры, кроме главы конклава, с интересом повернулись к гостю, несколько не удивляясь внезапному вторжению. Малиока оскалился.

— Приветствую тебя, мастер боя Рувим, — бросил он в сторону тени, не оборачиваясь.

Едва слышный скрип кожаных ремней нарушил тишину — незнакомец шагнул в полосу света, и Кантемир наконец смог разглядеть его. Это был крепкий, высокий воин, облаченный в простую форму дозорного. На первый взгляд — молодой человек, но в глубине его глаз таилась такая бездна, что становилось не по себе. И это была не усталость - память. Плотная, многослойная, сотканная из решений, которые нельзя отменить, и потерь, которые не залечить. Края чёрного тагельмуста лежали на могучих плечах, не скрывая их мощи.

— Рад видеть вас в добром здравии, ваше святейшество, — учтиво поклонился Рувим. Голос его был неожиданно мягким, но в нем чувствовалась сталь. В простоте и скромности этого воина таилось что-то притягательное, что-то, что выделяло его среди присутствующих. В движениях Рувима не было ни бравады, ни стремления произвести впечатление — только спокойная уверенность и расчёт. Длинные ресницы оттеняли тёмно-карие глаза: тёплые, почти нежные на первый взгляд. Но в их неподвижности читалась железная воля: они не скользили по предметам, не искали опоры. Они держали пространство, как держат щит в долгой обороне.

Малиока чуть повернулся вбок — так, чтобы профиль Рувима попал в поле его зрения.

— Тень этого воина длиннее, чем у остальных, — произнес он, обращаясь ко всем присутствующим. — Его путь мог бы стать частью летописи Священного Конклава, если бы он сам этого захотел. Его мастерство в бою превосходит многих из нас, а мудрость не знает равных.

Малиока наконец развернулся полностью и раскрыл руки в приветственном жесте, словно приглашая Рувима в свои объятия, но тот остался неподвижен, сохраняя дистанцию.

— Но это тот самый случай, — продолжил Малиока с легкой иронией, подходя к воину ближе, — когда гордость становится преградой на пути к истинному величию.

Он остановился подле Рувима и добавил с едва заметным упрёком, глядя на него снизу вверх:

— Интересно, что даже вновь облачившись в одежду рядового воина, ты сохраняешь своё достоинство, мой мальчик. Возможно, ущемлённая гордость сжигает тебя изнутри, не давая принять то, что ты заслуживаешь по праву?

В бесстрастных глазах Рувима прорезалось что-то тёмное, словно пламя, которое Малиока задел своими словами. Он медленно опустился на одно колено и тихо произнес:

— Я уже доказал свою преданность вам, ваше святейшество. Если этого мало, скажите, что ещё я должен отдать.

— О мой дорогой друг, — ласково ответил Малиока, кладя свою ладонь на его голову, словно утешая плачущего ребёнка, — твоя боль понятна, но совершенно бессмысленна. Как

оказалось, даже величайшим мастерам не под силу контролировать сердце, когда соблазн столь сладок, а страсть слепа.

Рувим сжал кулаки.

— Мое единственное желание — служить Клану, несмотря ни на что, — сказал он. — Я принял все последствия своих действий. Возможно, вы хотите, чтобы я зашел дальше ради искупления?

— Встань, воин, и расправь плечи, — мягко велел Малиока, убирая руку с его макушки и наблюдая, как могучая фигура вновь обретает силу. Тень Рувима действительно была длинной, она тянулась за ним, как след крови, который не смыть.

— Плод твоей запретной страсти у нас, и это главное, — тем же ласковым тоном продолжил Малиока. — Ребенок дарует искупление вам обоим своей достойной службой Клану. Что касается той, кто предала нас... Её путь будет усеян болью и одиночеством. Это станет наказанием куда более суровым, чем любая кара.

Тень Рувима дрогнула, когда Малиока упомянул мать ребёнка. Она стала гуще, будто поглощая его боль.

— Как скажете, ваше святейшество, — сказал Рувим с лёгким поклоном, в котором было больше достоинства, чем покорности. Его движения были почти царственными, а в глазах по-прежнему пылал огонь.

— Ты позаботился о безопасности этого дитя? — спросил Малиока уже более официальным тоном.

— С ребёнком находится наша лучшая няня, — коротко доложил Рувим. — Я лично слежу за сохранением конфиденциальности. Лишь пять человек знают его истинное местоположение. Все записи зашифрованы и хранятся в разных местах.

Малиока одобрительно кивнул:

— Хорошо. Твоя служба, как всегда, безупречна.

Рувим молчал, не двигаясь с места.

Глава клана отвернулся от него и сделал несколько шагов обратно к голографическому проектору, где в ожидании терпеливо застыли шесть магистров, не вмешиваясь в разговор. Спина Малиоки была обращена к Рувиму, когда он произнес:

— Я знаю, для чего ты пришёл, мой друг. Ты пришёл просить. Просить о возвращении в Клан на прежних правах. Просить о прощении. Просить о доверии.

Выдержав паузу, он слегка повернул голову и бросил через плечо:

— Я должен подумать над твоей просьбой.

Не говоря в ответ больше ни слова, Рувим шагнул обратно в темноту между колоннами, откуда появился. Его силуэт растворился во мраке, словно никогда и не существовал, оставив после себя лишь легкое дуновение ветра.

Изумление скользнуло по лицу Кантемира. Лишь носители Печати Священного Конклава могли так свободно скользить во Тьме — это величайшая привилегия, доступная не каждому магистру, не говоря уже о мастерах боя. Единственным, кто мог даровать такую силу, был Малиока. Вывод напрашивался сам: Рувима и Малиоку что-то связывало, о чём Кантемир не знал.

Малиока щелкнул пальцами, и левитирующие сферы между колонн вспыхнули одна за другой, окутав зал искрящимся поясом защитного поля, отсекая любые попытки подслушать или проникнуть внутрь.

— Теперь нас никто не потревожит, — произнёс Малиока с холодной уверенностью. — Мы обсудим наш сокровенный проект.

С лёгким поклоном магистры освободили путь главе конклава, приглашая пройти к алтарю в дальнем конце зала. Малиока скользнул вперёд бесшумной тенью. За ним, словно

призраки, плыли шесть магистров. Кантемир ощутил: его шаги потеряли вес, стали мягче. Он ступал, словно по невидимому ковру, а затем вдруг понял: он парит над полом.

У подножия алтаря Ирсаил — единственный, кроме Малиоки, у кого был доступ, — кончиками пальцев коснулся арки энергетического поля. Алтарь содрогнулся от гула и наполнился мягким светом, который становился все ярче. Воздух вокруг него сгустился, задрожал, зарябил, как натянутая мембрана. Контур реальности поплыли, и перед собравшимися распалась пространственная щель размером с оконный проём. Будто невидимый клинок вспорол ткань мироздания. В зале стало тихо, даже дыхание магистров поглотилось этой дырой в реальности. В проеме проявилась небольшая комната с гладкими каменными стенами, освещенная голубоватым светом энергетических панелей. Кроме грубо сплетенного ковра из кактусовых нитей, матраса в углу, пары корзин для вещей и больших песочных часов, здесь не было ничего.

В центре комнаты играл мальчик лет двух-трех, облаченный в длинный красный кафтан аталая — юного новобранца. Он размахивал деревянным ножом, воображая себя воином, и полностью игнорировал суровую пожилую женщину, которая тщетно пыталась призвать его к порядку. Губы няни шевелились, она что-то вычитывала ему, но ребенку не было до неё никакого дела. Слов почти не было слышно: голос няни звучал глухо, будто проходил сквозь толщу воды. Мальчик отмахивался и продолжал бегать по комнате, поглощённый игрой. Смуглая кожа, тёплая, как мёд, отливала золотом. Тёмные кудри падали на лоб, а на носу, будто капли солнца — россыпь золотистых веснушек. Черты лица тонкие, с выраженными скулами и узким подбородком — в мальчике безошибочно угадывалась кровь коренного шахрийца. В его посадке головы, гибкости тела и легкости шагов уже проступала та особая стать, что свойственна детям пустыни. Мальчик на мгновение обернулся — будто сообразил, что за ним наблюдают, — и посмотрел прямо в сторону открытой завесы. Магистры напряглись, но не удивились этому. Большие карие глаза с пушистыми ресницами неотрывно смотрели в их сторону, словно могли видеть сквозь пространство. Кантемир, замороженно наблюдавший эту картину, вдруг обомлел. Нечто знакомое промелькнуло в этих глазах, в тёмных всполохах зрачков... Точно такие же глаза он видел совсем недавно — у мастера боя Рувима. Тот же тёмный огонь. Только у мальчика он был ярче, будто ещё не скованный болью. И черты лица, веснушки — очевидно, от матери — тоже были до боли знакомы. Мысль молнией пронеслась в его голове, связывая воедино разрозненные фрагменты головоломки. По спине пробежал холодок — не страх, а что-то вроде благоговения. Кантемир понял: Рувим пришёл не просить. Он пришёл защитить то, что было ему дороже жизни.

Няне наконец удалось поймать непослушного ребёнка за руку. Отобрав деревянный нож, она повела его к матрасу — настало время ложиться спать. Мальчик упирался, бросая взгляды через плечо.

— Как он развивается? — спросил Малиока, не отрывая взора от происходящего. Его голос звучал ровно, но в глазах таился алчный интерес.

— Превосходно, — откликнулся Ирсаил. — Его физические и ментальные показатели превышают норму. Как вы сами могли заметить, у него уже проявляются способности к восприятию пространственно-временных потоков. Артефакт показывает высокую вероятность того, что в будущем он сможет манипулировать временем.

— Кто бы мог подумать, что предательство может принести такие неожиданные дары, — отметил Верховный Магистр. — Несмотря на то, что ребенок был зачат без нашего контроля, мы получили нечто поистине выдающееся.

Кантемир невольно сглотнул. Предательство? Зачат без контроля? Вопросы роились в его голове, но он молчал, боясь привлечь внимание.

— В этом нет ничего удивительного, — возразил Джаббар, и в его голосе не было ни тени сомнения. — В конце концов, его родители — элита клана. Вы сами внедряли редкие

маркеры в ДНК учеников на протяжении столетий. Результат закономерен: мы просто увидели то, к чему стремились веками.

Ирсаил медленно покачал головой:

— Не всё так просто, почтеннейший Джаббар. Мы не могли предугадать, что сочетание ничем не примечательных генов даст столь впечатляющий результат, и в какой момент это случится.

Лёгким касанием кристалла он развернул возле завесы голографический экран. В воздухе замерцали диаграммы.

— Видишь эти пики? — Ирсаил провёл пальцем, и одна из формул засветилась ярче. — Рецессивные гены отца активировались благодаря доминантным маркерам матери. Получилось нечто новое. Не сумма, а взрыв.

Ирсаил обернулся к Джаббару, глаза горели азартом:

— Это не «один плюс один равно двум». Это «один плюс один равно десяти»! Два простых ингредиента дали эффект, в разы превосходящий их свойства. Такое совпадение — феноменальная редкость даже для нашей многовековой селекции.

— Его потенциал огромен, — восхищенно подтвердил Кантемир. Юный магистр уже почти пришел в себя и наконец чувствовал, что снова может говорить. Голос его от волнения прозвучал с неестественной хрипотцой, словно язык всё ещё не повиновался ему.

— Только взгляните на эти показатели, — сказал он, проводя рукой по голограмме. Его пальцы дрожали, будто боялись обжечься о цифры, которые могли изменить мир. — Нейронная пластичность превышает все известные нормы. Темпоральная восприимчивость аномальна! Представьте: человек, способный не просто отслеживать временные потоки, но и вмешиваться в них. Создавать временные петли, разрывы, параллельные линии. Модифицировать локальные хроноструктуры. Возможно даже инициировать каскадные изменения...

Кантемир запнулся, испугавшись собственных выводов, затем выдохнул:

— Этот ребёнок в будущем может стать абсолютным оружием в темпоральной войне.

В глазах Малиоки мелькнул хищный блеск, словно он уже видел, как этот ребёнок ломает время по его воле. Вкрадчивый голос мягко влился в речь Кантемира, дополняя едва уловимо ноткой предостережения:

— Если, конечно, мы сумеем правильно направить его развитие, мой друг, — произнес он многозначительно. — И если он сам захочет стать этим оружием.

«А если не захочет?» — подумал Кантемир. — «Что тогда?» Но задать этот вопрос вслух не решился. Малиока откинул голову назад, глядя на чудо-мальчишку сверху вниз. В этот миг Кантемир увидел лицо магистра целиком: худое, иссечённое морщинами, словно высушенный финик. На щеке пульсировал шрам — Верховная Печать Тьмы. Тонкие линии то наливались багровым, то гасли, будто нечто внутри него неустанно билось, ища выхода. Свет голограмм отражался в глазах Малиоки холодным, расчетливым блеском.

— Удивительно, как мы прозевали появление такого эффекта, — высказался Якуб, в свою очередь склонившись над формулами. — А ведь просчитывали все возможные комбинации...

— Синергия — вот чего не учли математические модели. И энергетическую связь родителей мы тоже не просчитали, — ответил Ирсаил, скрещивая пальцы. — Их эмоциональная близость могла стать катализатором для спонтанных мутаций.

— А что с его воспитанием? — поинтересовался Таларик. — Для полного раскрытия способностей мальчик должен получить исключительное образование. Стандартная программа здесь явно не подойдёт.

— Мы разработали специальный план, — кивнул Ирсаил. — Он будет обучаться у лучших мастеров, но в изоляции.

— Как насчет безопасности? — прорычал Джаббар. — Мы ведь не будем полагаться в столь деликатном деле на нашего мастера боя?

Леонур даже не дрогнул:

— Моя система защиты безупречна. Каждый уровень — ловушка. Охрана — мои люди, проверенные кровью. Никто не приблизится незамеченным, ни враг, ни предатель.

— Достаточно ли этого? — недоверчиво бросил Джаббар, не глядя на него.

Малиока склонился к завесе.

— Следите за каждым его движением, — прошипел он, — Империя пойдет на всё, чтобы заполучить это дитя. А его сила может как спасти нас, так и уничтожить.

Магистры продолжали обсуждать детали воспитания и защиты могущественного ребенка. И не замечали, как в углу, где тени сгущались до черноты, шевелилось нечто.

Не человек. Не зверь. Паук.

Восемь холодных глаз следили за каждым движением. Никто не услышал сухого, почти беззвучного шороха хитиновых лапок по камням. Никто не заметил мельчайшей пыли, взметнувшейся от едва ощутимого прикосновения к полу. Ни один из магистров не уловил тонкого колебания воздуха, когда сама Тень пришла в движение, перетекая из одной формы в другую.

Паук ждал. Это была его временная форма, средство остаться незамеченным, подслушать сокровенные тайны и выбрать миг для удара. Он уже знал всё, что необходимо: слабые места защитных контуров, тайные мысли тех, кто считал себя неуязвимым. В отражении сферы Паук на мгновение увидел лицо воина: усталое, но решительное. Это было его лицо. Или уже не его?

Он знал: Она уже близко. И когда Она появится, всё пойдёт иначе.

Джаббар вдруг отвлекся, словно уловив краем сознания нечто чуждое. Но тут же тряхнул головой. Бред. Ему показалось. Вокруг зала — защитное поле левитирующих сфер. Никто не может проникнуть сюда. Всё под контролем.

Паук усмехнулся. Они всегда недооценивали его способности. Он научился управлять Тьмой так, как никто из них. И давно превзошёл их любые защиты. Тень не просто скрывала его — она была его кожей, его дыханием. Тьма меняла форму, подчиняясь его воле.

Наблюдая, как фигуры в капюшонах спорят о судьбе мира, паук сжал хитиновые челюсти. Магистры просчитали всё, кроме одного. Они создали безупречные схемы, заложили в них сотни вероятностей, предусмотрели контрмеры на любой случай. Но в их расчётах не было места для человеческого.

Люди не машины. Даже самые строгие алгоритмы дают сбой, когда в игру вступают чувства. Настоящие, глубокие, способные переписать правила. Один взгляд, одно биение сердца — и привычный мир рушится, потому что разум больше не хозяин.

Паук знал: когда Она переступит порог, наступит момент истины. Не потому, что Она сильнее конклава — скорее наоборот. А потому, что он сам изменится в это мгновение.

Он ещё не осознаёт этого до конца. Пока только наблюдает, просчитывает, ждёт. Но где-то внутри, в самой глубине, уже живёт знание: он разрушит всё и всех ради Неё. Не из долга, не из страха, не по приказу. А потому, что любовь сильнее любых схем.

Это не крошечная трещина. Это взрыв. Молниеносный, всепоглощающий, необратимый. Его любовь не подточит систему исподволь — она сметёт её одним ударом. Там, где раньше были незыблемые правила, останутся лишь обломки. Там, где царила логика, воцарится хаос.

Когда он увидит Её, выбор станет очевидным. Он не будет колебаться. Не станет искать компромиссы. Он просто сделает то, что должно: разорвёт связи, сломает преграды, уничтожит всё, что стоит между ним и ею.

И этого будет достаточно.

Система рухнет. От его решимости. От его выбора. От удара, который он нанесёт, когда любовь окончательно вытеснит из его сознания последние остатки расчёта.

Когда Она войдёт, он перестанет быть пауком в углу. Он станет силой, что изменит всё.
Началом конца.

И началом чего-то нового.

Глава 3 «Мукаддасы»

Туманность Андромеды, звездная система Аль-Сафир, колония Великой Империи 14-Б, планета Шахри. Район Камнеморья, тренировочная площадка адептов Теней Дюн. 2891 г.

Когда-то здесь было горное солёное озеро, превосходившее по величине спутник Лилу. И оно было наполнено жизнью. До сих пор здесь можно найти костные останки и яйца ящеров, отпечатки гигантских лап, массивные панцири, превратившиеся в каменные амфоры. А сверкающие на солнце чешуйки рассыпаны по соляным равнинам, словно осколки драгоценных камней. Теперь это место превратилось в безмолвный высохший овраг — Ущелье Мёртвых Вод.

Серые скалы с прожилками красного песчаника возвышались посреди бескрайней пустыни, подобно застывшим волнам. Их изломанные гребни, подсвеченные закатным солнцем, отбрасывали длинные тени на испещрённую трещинами и впадинами каменистую расщелину, напоминая о былом величии водной стихии. Оттуда, прямо со дна бездонной пропасти, бесконечными рядами выростали округлые колонны сталагмитов. Они заполняли все видимое пространство каньона, теряясь в сумрачной дали. У самого подножия, среди нагромождения каменных наростов, угадывались очертания гигантского скелета: позвонки и рёбра древнего морского ящера.

С высоты птичьего полёта ущелье походило на застывший прибой — будто огромные морские водоросли, подхваченные потоком, застыли в вечном танце, навсегда сохранив величественные формы каменных столпов.

Рувиму это место никогда не нравилось. Ветер, гуляющий между колонн, приносил с собой затхлый запах и металлический привкус минералов, а под ногами хрустели мелкие ракушки и окаменевшие моллюски, выдавая каждый шаг. Ветер, пробираясь сквозь мрачные лабиринты, заунывно пел на все лады: то пронзительно свистел, то глухо рокотал, то шептал нечто тревожное, поднимая соленую пыль с древних камней. В этом месте время словно остановилось, превратив бывшее озеро в саркофаг подводного мира. Рувим вдохнул сухой воздух, и на мгновение ему показалось, что он чувствует вкус крови — отголосок прошлых сражений.

Именно здесь, в сердце ущелья, проходили самые суровые тренировки, закаляющие дух и тело молодых бойцов. Рувим остановился на краю отвесной скалы, словно древний исполинский воин. Темно-синий тагельмуст обвивал могучую фигуру, и ветер, играя со складками, превращал их тень в зловещий силуэт хищной птицы. Казалось, он вот-вот шагнет в пропасть и взлетит над каменными колоннами, издавая пронзительный крик, — прямо ввысь, к облакам, где уже кружились песчаные грифы. На фоне багрового заката мастер боя выглядел настолько величественно и угрожающе, что, казалось, даже скалы склонили головы в молчаливом почтении. Он был словно легенда, рожденная эхом войны: кожа впитала пыль дорог, по которым шли колонны, а в глубине глаз тлели угли костров, разожжённых в полевых лагерях.

Рядом с ним, выстроившись в шеренгу, замерли ученики, не сводя с наставника восхищённых глаз - репутация непобедимого Мастера боя шла впереди Рувима, словно тень. Его пронизывающий взгляд скользил по сосредоточенным лицам новобранцев, останавливаясь на каждом, пытаясь прочесть их скрытые мысли и страхи.

Тринадцать шадаев - будущих воинов, стоящих на пороге посвящения в элитный клан. Это число, словно печать судьбы, выделяло их отряд среди прочих. Перед мастером стояли не просто те, кто успешно сдал экзамен: здесь были выжившие в жестоком отборе многолетнего обучения. Те, кто почти доказал свое право называться воином Теней Дюн, легендой Шахри. Их всех объединяла общая цель: подготовиться к финальному испытанию под руководством нового наставника — мастера боя Рувима. Он помнил, как много лет назад сам стоял здесь. Тогда он не дрогнул. А дрогнут ли они?

Серые униформы шадаев почти сливались со скалами, слегка развеваясь на горячем ветру. Среди этой «серой массы» взгляд Рувима выхватил пятерых учеников, чьи одежды украшали ярко-оранжевые ленты отличия. Они охватывали корпус крест-накрест и завязывались узлом на поясе, выделяя новобранцев среди остальных. То были мукаддасы — избранные ученики, проявившие выдающиеся способности за время учёбы. Мастер боя окинул их внимательным взглядом опытного наставника, отмечая каждую деталь осанки и движений.

Он знал цену этим лентам — они были символом не только генетических улучшений, которым с рождения подвергались ученики клана, но и результатом тяжёлых тренировок, крови и пота. Все проходили через так называемые «ритуалы крови», но лишь единицы становились мукаддасами — теми, кто по-настоящему раскрывал свой потенциал. И теперь его задача — довести их до совершенства, превратить талант в истинное мастерство.

В группу мукаддасов входили трое юношей: Ксодар, Тангам, Малигат, а также две девушки — Алера и Идрис.

Алера, самая младшая из них, стояла чуть впереди. Шестнадцать лет — почти ребёнок, но уже не дитя. В строю она держалась прямо, словно маленький кактус: колючий, выносливый, закалённый солнцем и ветром. Тоненькая до худобы, с резко выпирающими ключицами, с неправильными чертами лица и угловатостью подростка, она всё же казалась привлекательной, даже красивой именно в своей неповторимой асимметричности. Тёмные волосы были туго заплетены колосками, но одна прядь у виска упрямо выбивалась, щекотала щеку. Взгляд миндалевидных глаз цепкий, настороженный, с хищной искрой, как у дикого зверька. Временами эта искра гасла и сменялась чистой, незащищённой уязвимостью. «Ещё не умеет прятать душу», — подумал Рувим.

Перед встречей с новой группой он внимательно изучил личные дела каждого кандидата, и досье Алеры его впечатлило. Несмотря на плохие отметки за неряшливость и нарушения дисциплины, уровень мастерства этой девочки превосходил некоторых опытных бойцов. Она виртуозно владела метательными клинками, теневым хлыстом и плазменным мечом, а недостаток силы в спаррингах компенсировала интуицией и изобретательностью. Кроме того, отмечались успехи в инженерном деле и пилотировании. Девушка не только проявляла талант в разработке и модификации оружия, но и легко управляла скоростным баркасом. Даже в условиях песчаной бури искусно маневрировала между барханами, используя воздушные потоки для экономии энергии. Но особенно впечатляла история, когда один из таких баркасов она попыталась переделать в межорбитальный шаттл и улететь на нём с Шахри. К счастью, её успели остановить до того, как она покинула атмосферу.

В Алере удивительным образом сочетались противоположности: детская непосредственность и зрелое мастерство, хрупкость и бесстрашие, дикая импульсивность и концентрация воина. Ученики с подобным характером неизбежно становятся бунтарями. Рувим осознавал: работа с Алерой потребует особого подхода. Ведь если она не научится управлять собой, её же таланты обернутся гибелью. И всё же его сердце невольно откликалось на её энергию — такая страсть к делу, такая живая сила встречались редко.

Идрис, стоявшая чуть в стороне, казалась полной противоположностью. Холодная, сдержанная, невозмутимая девушка. Её улыбка, которая изредка касалась губ, никогда не достигала глаз. Это было не просто отсутствие эмоций — это была внутренняя работа, непрерывная, изматывающая. Рувим знал, каких сил требует такой самоконтроль, и высоко ценил его. Но для новобранца это расчётливое, ледяное спокойствие выглядело неестественным. Идрис смотрела прямо, на линию горизонта, но Рувим чувствовал её взгляд на себе. Тайком, сквозь полуприкрытые веки, она наблюдала за мастером, и в её глазах не было ни тени любопытства или страха. Только оценка, фиксация, анализ — то же, что вкладывал сам Рувим. У Идрис были светлые, почти серебристые волосы, подстриженные в короткое каре, чуть обгоревшая кожа и пронзительно-голубые глаза. «Ещё один подарок биоинженеров», — мелькнуло в голове

Рувима. — «Ребёнок с другой планеты, завезённый для селекции. Что в её крови их привлекло?»

«А может, это защитная реакция?» — размышлял наставник. Маска, за которой прячется что-то хрупкое? Если надавить сильнее, треснет ли эта безупречная оболочка, и не окажется ли, что под ней — просто испуганный ребёнок?»

Рувим вспомнил её личное дело: высокие оценки за скрытные операции, использование ядов, точечные удары. Идеальный шпион. Скорее всего, он никогда не узнает, какая Идрис на самом деле. Потому что её нет. Так бывает: человек играет роли, меняя маски одну за другой, пока не забывает, кем был изначально. Малиока таких любит — заберёт после испытания для своих тайных дел. Что ж, и такие кадры нужны Клану...

Рувим перевёл взгляд на Тангама и невольно улыбнулся. Худощавый юнец с нескладной фигурой: несуразно длинная шея, тонкие ноги, слегка оттопыренные уши — чистый птенец пустынной куропатки, ещё не оперившийся. Но стоило парню сделать шаг, как всё менялось.

Рувим наблюдал за ним на разминке: парень двигался текуче и быстро, словно ртуть. Ни грамма неуклюжести, только скорость, грация и мощь. В личном деле значилось: молниеносная реакция, высокий уровень координации, рефлекс выше нормативов. Но Рувим видел больше. Он видел, что парень будет использовать свою кажущуюся слабость как преимущество: противник недооценивает его, ждёт неуклюжих движений, а получает стремительный рывок и точный удар.

«В нём есть нечто звериное, — подумал Рувим с восхищением. — Полное слияние разума и тела: мысль и действие происходят одновременно, без задержки, словно он и не думает, а просто действует». После финального испытания наставник решил направить Тангама в военную разведку или ночной дозор. Там, где нужно быть незаметным и быстрым, такой боец станет бесценным активом.

Рувим перевёл взгляд на Ксодара. Неприметное лицо, коренастая фигура — ничего выдающегося. На первый взгляд, обычный ученик. Но стоило понаблюдать подольше... Ксодар двигался без суеты, без лишних жестов. Не демонстрировал силу, просто делал своё дело. И делал его безупречно. Рувим внимательно следил за ним на разминке. Бег, отжимания, приседания, отработка ударов по мешку, серия коротких спаррингов со сменой партнёров - наставник специально подобрал разные виды нагрузки, чтобы посмотреть учеников в деле. Другие уже дышали тяжело, а Ксодар даже не покраснел. Глаза оставались ясными, сосредоточенными. «Такой не сломается, — подумал наставник. — И других не подведёт».

В личном деле сухо значилось: «выносливость выше нормативов», хотя по оценкам испытаний стоило бы сказать «феноменальная». Ксодар легко выдерживал многодневные маршброски по пустыне, мог сутками бежать с полной выкладкой, не теряя силы и концентрации. Когда другие бойцы валились с ног, он продолжал двигаться с прежней чёткостью. В личном деле также были отмечены стратегическое мышление и аналитический ум — редкие качества среди бойцов. После финала мастер боя планировал рекомендовать Ксодара в космическую гвардию. Империя оценит и его выносливость, и способность принимать решения в условиях крайнего напряжения.

Последнего из мукаддасов — Малигата — было трудно не заметить, даже если бы у него не было оранжевой ленты. Его могучее телосложение сразу бросалось в глаза: парень был великаном среди остальных. Чернокожий, с багровыми венами, которые рельефно выступали на мощных предплечьях и широкой груди. Малигат был родом с Гелиора, планеты с высокой гравитацией. В условиях Шахри его тело обрело чудовищную силу и выносливость. Рядом с ним остальные казались карликами, он же выглядел как живой монумент бога войны. На невольничьих рынках дети-гелиорцы - редкий товар. Биоинженеры клана знали, что делали, когда привезли его сюда.

На первый взгляд Малигат казался неуклюжим, но это впечатление было обманчиво. Под плотной мускулатурой скрывалась удивительная ловкость и грация. В моменты опасности его организм вырабатывал дополнительный адреналин, что позволяло сражаться с удвоенной силой. Рувим видел это на спаррингах: когда партнёр усиливал натиск, глаза Малигата темнели, а движения становились резче, мощнее. Хотя великан явно сдерживал свою мощь, чтобы случайно не убить собрата. Глядя на Малигата, наставник понял: перед ним будущий преторианец. Клан обязательно предложит такого бойца для личной охраны государя, а Империя не упустит шанс заполучить ценный кадр для своих элитных войск.

Рувим еще раз окинул взором учеников, словно полководец, оценивающий воинов перед решающей битвой. Он заставил каждого почувствовать тяжесть своего внимания. Затем, повысив голос так, чтобы каждое слово достигло ушей всех присутствующих, произнёс:

— Слушайте меня внимательно, шадаи. Вы думаете, что выжили? Ошибаетесь. Вы просто отсрочили свою смерть на время тренировок. Ваши прошлые заслуги — ничто. Вы — никто. Просто материал в моих руках. И я буду лепить из вас настоящих воинов, даже если придётся разломать вас на части и собрать заново. Я буду работать с вами так, как работает кузнец с раскалённым металлом — безжалостно, беспощадно, доводя до предела. Я сломаю вашу гордость, ваши привычки, ваши представления о себе. А потом создам из вас то, что нужно Клану. То, что нужно мне.

Он сделал шаг вперёд и добавил тише:

— И если вы думаете, что это просто, вы глубоко заблуждаетесь. Я вижу каждого из вас насквозь. Ваши слабости, ваши страхи, ваши иллюзии собственной значимости. Всё это будет уничтожено.

Его слова повисли в воздухе тяжёлым, почти осязаемым облаком. Ученики стояли неподвижно, впитывая каждое слово. Никто не смел возразить, никто не осмеливался даже вздохнуть громче положенного.

— Впереди вас ждет финальный этап, — продолжил Рувим. — И я предупреждаю: не все его переживут. У вас будет лишь один год, чтобы подготовиться к испытанию. За этот год вы станете тем, кем я скажу, или вернётесь в пустыню, откуда пришли — пыль на ветру, ничто.

Он резко повернул голову в сторону стоящих в ряд мукаддасов и произнес с особой интонацией:

— Вы — первые в очереди на перековку. Ваши оранжевые ленты — не награда, а клеймо ответственности. Это долг, который вы будете отдавать кровью. Каждый день. И я буду проверять вашу стойкость. Каждый. День.

Рувим обвёл суровым взглядом притихших учеников и медленно прошёл вдоль строя, остановившись возле пятерки избранных. В первую очередь мастер приблизился к Алере. Он наклонился к ней так близко, что она почувствовала его дыхание на своем лице. Его голос был тихим, но пронизывающим до костей:

— Ты думаешь, что готова, птичка? Ты всего лишь ребёнок, играющий в воина. И я легко спущу тебя с небес на землю.

Впервые за всё время построения Алера подняла глаза на наставника, в них смешались гнев и обида, но также промелькнуло что-то похожее на вызов. Однако это вспышка длилась лишь мгновение. Она быстро опустила голову, возвращаясь к правильной стойке.

Рувим улыбнулся краем рта, заметив, как уши и шея девушки залились краской. Его голос загремел, словно раскат грома:

— Ваши слёзы, гнев, унижение — всё это будет! Я заставлю плакать каждого из вас. И буду внимательно наблюдать за каждым вашим страданием, потому что это показатель вашего роста. Каждая капля пота, каждая рана, ваше растоптанное в прах эго — это шаги на пути к совершенству. Только так рождается истинная сила.

Рувим сделал шаг в сторону, приблизился к Тангаму и положил руку ему на плечо. Не глядя на него, он сжал пальцы, вдавливая их в мышцы. Тангама перекосило от боли, но он сумел сдержать вскрик. Челюсти сжались так, что на висках проступили тонкие жилки. Он не издал ни звука, только дыхание стало чаще, рванее. Остальные ученики, кроме стоящих по бокам Алеры и Ксодара, не заметили этого момента — все произошло слишком буднично. Ксодар скосил взгляд на Тангама, но тут же вернул его на линию горизонта. Рувим не ослаблял хвата. Его голос звучал ровно, почти равнодушно.

— Если вы не выдержите, — произнес мастер, продолжая тисками давить плечо ученика, — оранжевые ленты станут символом вашего поражения. Ваши имена будут либо выгравированы на стене славы, либо на могильных камнях. И я лично прослежу за этим.

Рука Рувима оставалась на плече Тангама еще несколько мгновений, словно проверяя, насколько далеко тот готов зайти в своём молчании. Наконец мастер повернул голову и посмотрел на страдающего ученика.

— Ты боишься боли, — произнес он тихо. Он чуть повернул кисть, усиливая давление, и Тангам невольно напряг плечи, пытаясь сопротивляться, но это лишь усиливало боль. — Сейчас ты чувствуешь лишь силу моей руки. Но что будет, когда на тебя обрушится вес настоящего боя? Боль — твой учитель, а ты не хочешь учиться.

Наконец мастер отпустил Тангама, и тот выдохнул, едва удержавшись на подкосившихся коленях. Рувим продолжил свой путь, говоря каждому мукаддасу личное, беспощадное, обнажающее. Он остановился подле Ксодара, глядя на ученика сверху вниз.

— Ты ждешь похвалы, — произнес он, и голос его звучал ровно, без тени осуждения или насмешки. — Но похвала — яд для воина. Она размягчает дух, превращает усилие в спектакль. Ты начинаешь работать не ради мастерства, а ради одобрения. А в бою не будет никого, кто скажет тебе «молодец». Там будет только ты и то, на что ты действительно способен.

Ксодар не ответил. Рувим отстранился, обвел взглядом шеренгу.

— Никто из вас не получит от меня похвалы! — сказал он громче, обращаясь ко всем. — Но каждый получит шанс доказать, что достоин ее — не мне, не другим, а самому себе.

Мастер двинулся дальше, медленно шагая мимо Идрис и Малигата.

— Я видел, как падают сильные, — произнес он. — Как ломаются негибачаемые. Как умирают уверенные. И каждый раз это было красиво. Особенно красиво было смотреть, как они... — он помолчал, обводя взглядом строй, — теряли всё, во что верили. Как их гордость превращалась в пепел, а уверенность — в песок под ногами. Как они молят о пощаде. Вот ты, Малигат, — неожиданно сказал мастер, останавливая на ученике свой пронзительный взгляд. — Твоя сила впечатляет. Я вижу, как она бурлит внутри тебя. Но — он сделал шаг ближе, почти касаясь его могучей груди, — моя воля сильнее.

Его тот приобрел шипящий оттенок:

— Ты думаешь, твоя мощь что-то значит? Нет, Малигат. Здесь решает не сила мышц, а сила духа. А твой дух еще слишком слаб.

Рувим впился глазами в ученика, наблюдая за его реакцией. Ни один мускул не дрогнул на лице Малигата. Он стоял неподвижно, как скала, демонстрируя истинное смирение и достоинство солдата. В его осанке читалось абсолютное спокойствие, а в позе — непоколебимая уверенность. Мастер боя едва заметно кивнул, отмечая выдержку ученика, и двинулся дальше вдоль шеренги. Его голос вновь зазвенел, словно колокол, разнося по строю вековые истины:

— Страх — это иллюзия, которую мы создаём сами. Это ваш союзник, если знаете, как его использовать. Боль — ваш учитель, если вы умеете её слушать. Истинная сила рождается в момент, когда кажется, что всё потеряно. Именно тогда открывается ваша настоящая сущность. И я увижу её в каждом из вас.

Рувим плавно обогнул шеренгу, бесшумно двигаясь за спинами учеников. Его тень скользила по песку, словно хищник, выслеживающий добычу. Остановившись за спиной Идрис, он коротко обронил:

— На моих тренировках нет места притворству. Здесь либо ты есть, либо тебя нет. И я вижу - тебя пока нет.

С этими словами он двинулся дальше. Идрис не дрогнула, лишь чуть приподняла подбородок, будто его слова были не более чем дуновением ветра. Но взгляд её на долю секунды стал острее, прежде чем снова оказаться бесстрастным.

Снова достигнув Алеры, Рувим замер за её спиной, словно оценивая что-то невидимое. Девушка чувствовала его близость всем телом и едва заметно напряглась, когда его рука медленно поднялась и прошла по её волосам почти с отеческой лаской. Алера с трудом подавила желание отшатнуться. В этом прикосновении было что-то пугающе личное, будто он пытался проникнуть в её мысли.

— Дисциплина — это основа всего, — произнёс он терпеливым, почти убаюкивающим тоном, поглаживая её по затылку. Его пальцы вдруг стянулись вокруг её шеи — не сильно, но ощутимо. «Проверяет, дрогну ли я», — пронеслось в голове Алеры. Это прикосновение было одновременно и угрозой, и тестом на выдержку.

— Слезы можно сдержать, боль можно перетерпеть, но дисциплину нужно вбить в каждую клеточку вашего существа, — продолжил Рувим. — Она будет вашим щитом и мечом.

Его пальцы сильнее сжались у основания шеи, отчего слегка перехватило дыхание. Он добавил чуть громче:

— Запомните: дисциплина — это жизнь. Послушание — это выживание. И если вы не готовы принять эти правила... лучше уйдите.

Алера терпела. Не станет же наставник убивать её, в самом деле. Под его пальцами пульсировала вена, мир слегка размывался, а перед глазами плясали цветные пятна. Алера считала удары сердца: пять... десять... он всё ещё не отнимал руку. «Чего он добивается? — пронеслось в ее голове. — Напоминает, что моя жизнь в его руках? Или просто хочет, чтобы я потеряла сознание на построении?»

Наконец Рувим отпустил её. Алера судорожно глотнула образовавшийся в горле ком. Тангам, стоявший рядом, чуть заметно кивнул ей. Она ответила коротким взглядом — без слов, но он понял: она держится. Алера заставила себя выпрямиться и не оглядываться на наставника, который продолжил неспешно обходить строй. Его голос стал неожиданно мягким:

— Каждый из вас может прямо сейчас уйти из отряда и попроситься в Академию. Или Магистрат. Пожертвовать своим мечом и воинской честью ради погружения в пучину мудрости и постижения высших истин. Никто не станет вас удерживать. Я лично дам лучшие рекомендации каждому, кто пожелает уйти сегодня.

Его слова сладкой приманкой зависли в воздухе. Никто не сдвинулся с места, никто не поднял руку. Рувим продолжил:

— В Академии прохладно и уютно. Там нет тренировок. Нет боли, крови, пота. Только тишина учебных залов и библиотек. Кто готов сделать этот выбор? Возможно, кому-то из вас повезет, и через несколько лет уже вы будете отдавать мне приказы.

Рувим выдержал долгую паузу, давая шатающимся время на осмысление. Неторопливо, с достоинством вернулся на свое привычное место у края обрыва. Его движения были плавными, словно у песчаного барса, который после охоты возвращается в свое логово.

— Ну же! — прикрикнул он ободряюще, заставив притихших учеников вздрогнуть. — Один шаг — и вы будете сидеть в мягком кресле, а не проклинать судьбу в пыли тренировочного полигона. Второго шанса не будет. Сейчас или никогда! Спасите свою жизнь и избавьте себя от позора!

В гнетущей тишине явственней ощущался едкий запах пота и жар камней, остывающих после дневного зноя. Отчетливей слышались собственное дыхание и скрип песка под сапогами Рувима. Сложив руки за спиной, наставник ждал, пока тишина станет абсолютной, пока каждый ученик прочувствует всю тяжесть момента. Он знал, что говорил: эти слова когда-то заставили его самого остаться. Тогда он тоже стоял в шеренге, чувствуя холод сомнений. Теперь передавал этот огонь.

— Здесь я — закон! — прогремел он наконец, чеканя каждое слово. — Здесь я — судья! Здесь я - палач! И тот, кто не готов принять эти правила, пусть немедленно сделает шаг вперед и сложит свое оружие к моим ногам. Потому что потом будет поздно.

Ветер, словно вторя его словам, взвыл с новой силой, развевая края его тагельмуста. Поднялась пыль, и закружилась вокруг них, на мгновение окутав красноватым облаком. Алера закрыла глаза, потому что их царапал песок. Шеренга осталась стоять неподвижно. Рувим произнес уже более спокойно:

— Каждый, кто переступил эту черту, должен помнить: здесь нет места сомнениям. Есть только путь воина. Путь Теней Дюн. И я буду вашим проводником в этом путешествии.

Он помолчал секунду, затем продолжил с ощутимой властью и непреклонностью в голосе, делая акцент на значимых словах:

— Вы будете делать то, что я скажу. Когда скажу. Как скажу. Потому что я вижу в вас силу. Вижу потенциал. Но также вижу и ваши слабости. И мы будем работать над ними. Вместе. Потому что только так вы станете настоящими Тенями Дюн.

Сила его голоса начала расти с каждой фразой.

— Готовы ли вы к этому пути, шадаи? — прогремел он. — Готовы ли вы стать больше, чем просто учениками? Готовы ли доказать, что достойны носить звание воинов клана?

— Гхор-Ван-Дар! — раздался боевой клич, отражаясь от стен ущелья громовыми раскатами. — Гхор Ван-Дар! — голоса шадаев слились в едином дыхании. — Гхор-Ван-Дар! — ветер подхватил эти слова, не в силах заглушить их мощь. — Честь ведёт — кровь следует!

Рувим удовлетворенно кивнул. Он услышал в ответе учеников то, что искал, — преданность и готовность следовать по пути воина до конца. В глубине его глаз мелькнула гордость, но он тут же спрятал ее за суровым взглядом.

— Тогда приступим, — сказал он. — Время разговоров закончилось. Время действий наступило. Хадар! — резким, как удар хлыста, приказом, наставник заставил всех принять боевую стойку: ноги вместе, тело вытянуто как струна, правый кулак на груди возле сердца.

— Сегодня ваш полигон — эти каменные колонны, — Рувим широким жестом указал на сталагмиты, возвышающиеся из бездонной пропасти за его спиной. — Выбирайте любую из них. Ваша единственная задача — не сорваться вниз. И запомните: я никого спасти не буду. Каждый отвечает за себя сам.

Ученики переглянулись, глядя на окутанные облачной пеленой зубчатые осколки скал, с верхушками шириной не более трех-четырёх ладоней. Один неверный шаг мог стать роковым. Туман медленно поднимался из зияющей бездны, создавая призрачную завесу между жизнью и смертью. Некоторые ученики нервно сглотнули, но никто не отступил.

— Высота проверяет истинную силу духа, — продолжил наставник, пристально вглядываясь в глаза каждого ученика. — Сегодня вы убедитесь, что страх — лишь иллюзия для тех, кто твердо стоит на ногах. В балансе между небом и землей рождается истинное мастерство. Ведь когда земля далеко внизу, остается полагаться только на свои силы.

Он помолчал, давая бойцам осмыслить его слова.

— Занять позиции! — скомандовал он, и шеренга рассыпалась.

Шадаи один за другим устремились к краю обрыва, где возвышались каменные исполины. Без колебаний они начали прыгать с колонны на колонну, балансируя над пропастью. Каждый прыжок требовал точного расчёта и равновесия. Некоторые ученики боролись с вол-

нением, застывая на краю колонн. Кто-то выбирал более низкие сталагмиты, где чувствовал себя увереннее, кто-то решался на рискованные прыжки и взбирался повыше. Рувим наблюдал за ними, отмечая, как каждый ученик преодолевает страх, адаптируется к качке и головокружительной высоте. Клубни тумана то скрывали, то вновь открывали фигуры, и в этот момент казалось, что бойцы действительно научились летать, преодолев законы гравитации.

Прыгнув, Алера почувствовала, как живот свело судорогой, а мышцы стали деревянными. Камень под ногами пошатнулся — или это в глазах качнулось от страха? Она инстинктивно вцепилась в шершавую поверхность пальцами ног, растопырив их в тонких кожаных ботсах, и нащупала подошвой крохотный выступ, за который можно было зацепиться. До ушей долетел хруст мелких осколков, падающих вниз. Каждый звук напоминал: оступись — и ты последуешь за ними. Она бросила взгляд в сторону — слева от неё уверенно, с методической точностью продвигался Тангам. Его ритм завораживал: прыжок — вдох, приземление — выдох. Ни единого взгляда вниз — только вперёд, к следующей колонне.

Алера преодолела ещё два сталагмита и осторожно окинула взглядом пропасть под ногами: колонны уходили вниз, исчезая в белесой туманной дымке, которая искажала истинную высоту и делала глубину менее пугающей. Ветер, гуляющий между скал, трепал складки туники, толкал назад, мешая сохранять баланс, и пронзительно свистел в ушах. Алера втянула живот, перенесла вес на подушечки стоп, крепче вцепившись в камень. Так лучше. Устойчивее.

Быстро устроившись на одном из сталагмитов, Идрис глазами отыскала Алеру, которая всё ещё не выбрала место для тренировки. В холодном взгляде промелькнул вызов, а вздёрнутый носик придал её лицу насмешливое выражение.

— Эй, Алера! — непринужденно прокричала Идрис. — Хватит кружить, как бабочка. Лети сюда! Тут самое козырное место во всем каньоне!

Её полные лёгкости слова прозвучали для Алеры неожиданно. С высокомерной Идрис, которая была на несколько лет её старше, они никогда не были подругами. Но что-то в этом внезапном приглашении зацепило её. Светлые пряди Идрис слегка развевались на ветру, она выглядела непривычно хрупкой, почти уязвимой. «Может, она боится высоты и хочет, чтобы кто-то был рядом?» — подумала Алера. Секунду поколебавшись, она направилась в её сторону.

Терпеливо дождавшись, пока Алера доберется до нее, Идрис демонстративно указала на колонну недалеко от себя:

— Видишь? Здесь достаточно места для выкрутасов. Можно хоть сальто крутить, хоть петли выписывать. Будто специально для тебя природа постаралась.

Идрис говорила смело, даже самоуверенно. Она непринужденно сидела на сталагмите скрестив ноги, не обращая внимания на сотню метров бездны под собой. Слегка наклонив голову, с тихим торжеством во взгляде ждала, когда Алера признает её правоту. Алера аккуратно осмотрела колонну. Та действительно имела идеальную форму для тренировки. Поверхность была ровной, естественные выступы создавали точки опоры. Девушка удовлетворенно кивнула и перепрыгнула на указанное место. В груди на миг похолодело, но сразу же отпустило — организм начинал привыкать к высоте.

— Спасибо за подсказку, — сказала Алера. — Ты будто в родной стихии оказалась.

— Подумаешь, ничего особенного, — равнодушно пожала плечами Идрис. В её тоне слышались снисходительные нотки. — Просто важно чувствовать камень.

Краем глаза Алера заметила, как Тангам замер через несколько колонн от нее, оценивая её стойку. «Не отвлекаться», — приказала она себе.

— Хадар! — бархатистый голос Рувима прокатился по каньону, наполняя пространство своей мощью. Призыв к воинской собранности. Даже ветер не мог заглушить его. Звучные басовые ноты, рожденные где-то в глубинах груди наставника, достигали каждого ученика, заставляя принимать боевую стойку. Эхо подхватило его слова и понеслось вниз по ущелью,

создавая тихую мелодию, которая постепенно затихала в глубине пропасти. Алера замерла в боевой позиции, чувствуя, как страх отступает под напором решимости.

— Найдите свой центр тяжести, почувствуйте связь с камнем под ногами, — продолжил Рувим. — Отбросьте страх! Здесь вы не просто воины — вы хищники пустыни, чей взгляд пронзает горизонт до самого края мира. Пусть ветер играет вашими одеждами, но не трогает вашего спокойствия. Пусть бездна зовёт взглядом вниз — вы смотрите только вперёд. Там, за горизонтом, ждёт то, ради чего стоило забраться так высоко.

Он сделал паузу и, убедившись, что все ученики твердо держат баланс, добавил повелительным тоном:

— А теперь — закройте глаза. Дышите глубоко, — голос наставника стал мягче, но не потерял своей пронзительности. — Вдыхайте мощь этих скал! Выдыхайте слабость. Вдох. Выдох. Вдох... Выдох... Вы стоите не на краю пропасти, а на вершине своего пути. Вдох... Выдох... Ваши ноги твёрдо упираются в камень. Ваше сердце бьётся ровно. Ваш разум ясен. Вы — хозяева своего духа! Вдох... Выдох... Вы не боитесь — вы преодолеваете. Сейчас, в этот миг, вы утверждаете свою силу. Вы доказываете себе: страх — лишь ступень, а не предел. Вы — шадаи, и вы достойны этой высоты. Энергия гор наполняет ваши лёгкие, ваши мышцы. Высота не ломает вас, а делает сильнее. Вы рождены летать над песками, скользить между скал, как песчаные грифы, чьи крылья несут смерть врагам!

Ученики замерли, прикрыв глаза. Рувим помедлил, давая словам проникнуть в самую глубину их юной души.

— Откройте глаза, шадаи, — наконец приказал он, и в его голосе звучала абсолютная уверенность. — Высота — ваш трон, а не испытание. Вы — дети пустыни, рождённые для битвы, закалённые высотой.

Где-то вдаль раздался крик песчаного грифа, словно отголосок слов Рувима. Когда Алера открыла глаза, страх исчез без следа. Камень под ногами вдруг стал тёплым, будто ущелье признало её. Теперь она не чувствовала под собой пустоты — только пьянящее ощущение полета и безграничной свободы. Эйфория наполняла каждую клеточку тела. Воздух, прежде колючий от страха, теперь наполнял лёгкие, как сладкое вино. Алера раскрыла руки в стороны, словно крылья, представляя, что парит над землей. Её взгляд скользнул по ущелью, и она встретилась глазами с Ксодаром, стоящим чуть поодаль, ближе к середине каньона, на одной из самых высоких колонн. Багряные лучи заката окутывали его крепкую фигуру тёплым светом; он стоял уверенно, словно был частью камня, а не человеком из плоти и крови. Ксодар улыбнулся и помахал ей рукой. В их глазах светилась новая уверенность — та особая искра, которая зажигается внутри после победы над собой, когда шагнёшь за очередной порог своего страха. Где-то слева Тангам тихо рассмеялся, будто только сейчас осознал, что жив. Идрис провела рукой по лицу, смахивая пот, и её губы дрогнули в улыбке.

Рувим следил за ними, и в уголках его глаз собрались морщинки — то ли от солнца, то ли от сдержанной гордости. Но голос остался железным.

— Хадар! Стойка на одной ноге! — Прогремел голос наставника, не давая никому времени на передышку.

Алера плавным, отточенным движением перенесла вес тела на левую ногу, а правую медленно подняла вверх в вертикальный шпагат. Девушка удовлетворенно ощутила, как распределилась нагрузка на опорное бедро, как включились в работу мышцы кора, позволяя лучше держать баланс. Руки она вытянула вверх над головой, словно стремясь коснуться небес. Её тело образовало изящную линию, демонстрируя невероятную гибкость и силу.

Идрис, чуть подумав, сделала то же самое. Её надменный носик чуть дрогнул от напряжения, но лицо оставалось непроницаемым. Движения были скованными, а корпус слегка отклонился назад, выдавая недостаток равновесия. Тем не менее, она упорно держалась, стараясь сохранить невозмутимый вид.

— Закрывать глаза! - велел Рувим, наблюдая за учениками.

Алера чувствовала, как напрягаются мышцы бедра, удерживая поднятую ногу. Эта поза на высоте требовала полной концентрации внимания и сил. Пот медленно стекал по позвоночнику. Алера слушала своё дыхание — ровное, как метроном.

— Хадар! Стойка на руках! — снова прозвучала команда.

Алера аккуратно вышла из шпагата и скользнула корпусом вниз, упираясь обеими руками в камень. Медленно, но уверенно она начала поднимать тело вверх, пока ноги не взмыли в воздух, образуя почти идеальную вертикаль. Левую руку она подконтрольно вытянула в сторону, оставаясь в упоре на одной ладони. После этого изогнула тело подобно натянутой тетиве: спина образовала плавную дугу, а мышцы, казалось, застыли в совершенной гармонии силы и грации.

Идрис, стиснув зубы, последовала её примеру, но изогнуться не смогла, лишь вытянула ноги наверх. Её скулы заметно напряглись, хотя лицо оставалось бесстрастным.

— Зафиксировать позицию! — скомандовал Рувим. Алера чувствовала, как каменеют мышцы плеч и спины, а кровь приливает к голове. Она представила, что сквозь мышцы проходит огонь, питающий её силу. Пот стекал по запястью, делая хват скользким. Идрис рядом старалась держать форму, но Алера заметила, как мелко дрожат её пальцы на опорной руке.

Время словно остановилось. В перевёрнутом виде их каменный полигон выглядел ещё более удивительным: между вечерним небом и облачной бездной застыла целая группа новобранцев, каждый в своей вариации стойки. Кто-то балансировал на двух руках, словно акробат на арене. Некоторые, как и Алера, проявляли фантазию, создавая причудливые линии тела. Тангам стоял в невероятной позиции, опираясь на две ладони, расположенные по диагонали. Его таз был высоко поднят, а ноги разведены в поперечный шпагат. Корпус был слегка повернут, создавая эффект ассиметричного равновесия. Казалось, он завис над колонной, как воин-полубог, победивший земное тяготение. Поймав её взгляд, Тангам на миг закатил глаза, как бы говоря: «Ещё миг, и я рухну. Но тут же подмигнул ей: "Или взлечу"».

Ветер пытался нарушить равновесие учеников, но они стояли неподвижно, словно статуи. Солнце почти скрылось за горизонтом, окрасив небо в последние красно-лиловые тона. Туман постепенно сгущался, окутывая всё вокруг призрачной дымкой. В молочном мареве фигуры рекрутов казались призраками. Только дыхание, да колыхание одежды выдавали в них живых существ.

— Держать! — команда Рувима прозвучала жёстко, почти жестоко. — Баланс — не только физическое умение. Это состояние духа, способное превращать слабость в силу, а боль в победу.

Алера чувствовала, как пот стекает по лицу и крупными каплями падает на поверхность камня. Кровь пульсировала в висках. Идрис рядом дышала всё тяжелее.

— Скукотища, правда? — вдруг прошептала она хриплым от напряжения голосом. — Может, покажем класс парням, храбрая воительница? Пусть увидят, на что мы способны.

— Но как?

— Перейдём в следующую стойку через сальто назад. Что скажешь? Рискнем? Ты можешь сделать двойной оборот, для тебя это не проблема, — добавила она с вызовом в голосе.

Алера настороженно приподняла бровь и искоса посмотрела на сестру по оружию — в её светлых глазах мелькал озорной огонек, несмотря на то, что каждая мышца кричала от напряжения.

— Думаешь, они заметят? — насмешливо спросила Алера, едва заметно шевеля губами, чтобы не нарушить баланс. Мысленно она уже просчитывала траекторию движения. — По моему, они слишком заняты собой.

— О, поверь, заметят! — на губах Идрис заиграла дразнящая улыбка, словно она уже предвкушала реакцию соратников. — Покажем им, что мы не просто красивые личинки воинов, а настоящие мастера.

— Ты с ума сошла? На такой высоте?

— Что, боишься? Или ты только на словах такая храбрая? Давай, покажи наконец, на что способна без нянек, красная воительница.

Слова Идрис попали точно в цель. В детстве из-за строптивного характера Алеру долго не переводили в общую казарму, дважды продлевая обучение в детском корпусе. Когда остальные ученики уже гордо облачились в серую униформу шадаев, она всё ещё находилась под опекой нянь. Красный кафтан аталая, который ей пришлось носить на два года дольше остальных, превратился в незаживающую рану в её душе. Даже когда талант и упорство принесли свои плоды, внутри всё ещё чувствовалась эта боль. Выдающиеся результаты в освоении боевых искусств заставили магистров принять беспрецедентное решение переселить Алеру в казарму старших учеников, минуя все промежуточные этапы. Это стало своеобразным искуплением обид, её триумфом, однако привкус горечи от тех лет временами напоминал о себе. После слов Идрис перед глазами Алеры встал красный кафтан, висящий в пустой комнате. "Это не я", — подумала она. "Я — здесь. Я — сейчас". Когда она снова посмотрела на сестру, в её взгляде горела решимость.

— Хорошо, — стиснув зубы, сказала она. — Но давай сделаем это синхронно.

Идрис согласно моргнула, довольная результатом.

— Хадар! Вернуться на ноги! — прозвучал чёткий приказ. Алера почувствовала, как внутри нарастает напряжение. Мышцы дрожали от усталости, но отступить было поздно.

— Раз.. два... три! — выдохнула Идрис. Затем — лишь шелест туники в воздухе.

Алера пружинисто оттолкнулась опорной ладонью от камня, сделав мощный замах свободной рукой и ногами. В следующий миг она сгруппировалась, превратившись в тугий комок энергии, и взмыла вверх, чувствуя, как тело обнимает воздух. Она сделала два полных оборота, на мгновение зависнув в пространстве, будто бросая вызов гравитации. Каждый мускул сработал в унисон, помогая контролировать это головокружительное вращение. Затем её ноги описали идеальную дугу и вернулись к сталагмиту. Мягкое, бесшумное приземление почти завершило этот потрясающий элемент. Алера на мгновение почувствовала себя непобедимой. Но произошло нечто неожиданное — каменная платформа, которая была такой надёжной секунду назад, вдруг оказалась предательски скользкой. В момент приземления правая стопа резко проскользнула вперед, потеряв сцепление. Тело неумолимо продолжило движение, и девушка почувствовала, как теряет опору и начинает падать вниз. Инстинктивно она выбросила руки вперёд, пальцы судорожно схватили колонну, но лишь проскользнули по гладкой поверхности. Алера услышала скрежет своих ногтей по камню. Время, казалось, замедлилось, когда она поняла, что теряет последние шансы на спасение. Она скользила вниз, обдирая ладони. Где-то в полуметре от вершины руки наконец нашли небольшой выступ, чудом зацепившись за него. Острые камни впились в кожу, кровь текла по рукам, но она не чувствовала её. Все её существо было сосредоточено на том, чтобы удержаться.

— Алера! — крикнула Идрис. Она стояла на своей колонне и глядела на неё сверху вниз.

Ровно за секунду до того, как девушка начала падать, Рувим уже прыгнул со своего наблюдательного пункта на скале, нарушая собственное обещание никого не спасать. Ученики замерли, не веря своим глазам — наставник двигался с такой грацией и скоростью, что казалось, будто он парит над сталагмитами, едва касаясь подошвами камней. Каждый его прыжок был просчитан до миллиметра, каждое движение выдавало совершенное владение телом.

Алера висела, удерживаясь из последних сил, сухожилия горели от напряжения. Весь мир сузился до свиста ветра в ушах, ощущения камней под пальцами и пульсирующей боли в запястьях. В отчаянном усилии она пыталась обхватить ногами слегка изогнутую колонну.

Сквозь туман и пот, застилавший глаза, девушка разглядела, как с разных сторон к ней стремительно приближаются три фигуры, среди которых она узнала Ксодара и Тангама. Но кто-то третий добрался до нее первым. «Кто? — успела подумать она, прежде чем сильная, уверенная рука сомкнулась на ее запястье, останавливая неизбежное падение.

— Решила полетать, птичка? — услышала она насмешливый тон своего наставника.

Голос Рувима звучал спокойно и даже немного издевательски. Он сидел на вершине колонны, перегнувшись через край все корпусом. Одной рукой он уверенно упирался в платформу, а второй держал руку Алеры — не столько помогая, сколько контролируя ситуацию. Его хватка была крепкой, но он не торопился поднимать её наверх. В его движениях не было ни спешки, ни желания поскорее её спасти.

— Думаешь, я тебя сейчас подниму? — продолжил он, словно читая её мысли. — Нет, пташка. Ты сама должна найти в себе силы выбраться.

Алера впиалась зубами в нижнюю губу, собирая остатки злости, воли и концентрации. «Хорошо. Я покажу тебе». Резким движением свободной руки она оттолкнулась от колонны. Затем, используя руку Рувима как ось вращения, позволила телу отклониться в сторону, слегка разворачивая корпус. Когда инерция движения достигла пика, она выбросила ноги вверх, чтобы обнять ими колонну. Тело, словно маятник, описало дугу, и Алера всем весом обрушилась на поверхность сталагмита. В последний момент ей удалось зацепиться ступнями за небольшие выступы. Второй рукой она наконец нашла надежную опору и начала подтягиваться наверх. Всё произошло за считанные секунды. Рувим, понимая её манёвр, всё это время удерживал её от падения, позволяя прочувствовать всю тяжесть подъёма. Вокруг них, занимая соседние сталагмиты, стояли подоспевшие на помощь ученики, затаив дыхание. Когда Алера, измученная, но полная решимости, добралась до вершины, Рувим помог ей подняться на одну с ним площадку, позволяя упереться ногами в его сапоги и обхватив за талию, как куклу. Алера, всё ещё дрожа от пережитого, подняла глаза и встретилась взглядом с Рувимом. Она впервые стояла так близко к нему, что смогла разглядеть на его лице каждую морщинку. В глазах наставника промелькнуло беспокойство, но он быстро скрыл это. Его туника была жёсткой от пота и пыли, но тепло тела пробивалось сквозь ткань. Странно, но его запах почему-то показался Алере знакомым. Чувствуя странную смесь облегчения и смущения, она уткнулась лбом в плечо наставника, сжав руками края его туники и стараясь восстановить дыхание. Она вдохнула — и снова этот запах, знакомый до боли. Откуда? Рувим двумя пальцами аккуратно приподнял за подбородок её лицо, чтобы оценить моральное состояние, и в этот момент заметил глубокие порезы на ее ладонях — от острых камней. Кровь из свежих ран оставляла тёмные следы на синей ткани его одежды.

— Безмозглая пташка, — произнёс он без тени жалости в голосе, отрывая её пальцы от своей рубашки и поднимая на уровень своих глаз. — Неужели крылышки так чешутся, что не терпится проверить, насколько твёрдой бывает земля? Вы все здесь, чтобы выжить, а не погибнуть из-за глупого бахвальства. — Он повысил голос, обращаясь ко всем ученикам. — Никогда не теряйте бдительность! Никогда не позволяйте гордости затмевать разум. Даже в самых сложных ситуациях нужно сохранять ясность ума.

Рувим помолчал, а затем добавил тихо, оборачивая на Алеру свой холодный взгляд:

— Ты жива только потому, что я тебе позволил. В реальном бою такого шанса не будет. Там не будет зрителей, чтобы аплодировать твоим красивым прыжкам. Там будет только смерть, которая не прощает ошибок. Ты это понимаешь, птичка?

Алера кивнула, чувствуя, как внутри всё закипает от обиды. Его слова жгли сильнее любого огня.

— Я понимаю больше, чем вы думаете, — ответила она, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Всем вернуться на подготовительную площадку! — приказал он группе. — Ты как? Сможешь дойти сама?

Этот простой вопрос снова больно хлестнул её по самолюбию. В груди всё загорелось от обиды, но она лишь выпрямилась и процедила:

— Я справлюсь. Я не ребёнок. Благодарю за заботу, учитель.

— Тогда шевели ногами, — рявкнул он, выпуская её из своих рук и давая возможность перепрыгнуть на другой сталагмит. — И не думай, что этот разговор окончен. Ксодар! Перевяжи ей раны.

Когда вся группа вернулась на исходный пункт, Ксодар, которому было поручено оказание первой помощи, подошёл к Алере с набором для перевязки. Но та лишь злобно оскалилась, как дикий зверёк.

— Я не нуждаюсь в опеке, — прошипела она, пытаясь остановить кровь краями туники. — Сама справлюсь!

Но Ксодар мягко, почти игриво, подсечкой толкнул её к валуну, заставляя сесть.

— Не упрямясь, сестренка, — спокойно произнёс он. — Даже самым сильным иногда нужна помощь.

Алера хотела огрызнуться, но передумала. Она никогда не могла противостоять его твёрдой, но заботливой манере и с неохотным видом протянула ему руки. Ксодар быстро промыл раны антисептиком и, прежде чем накладывать швы, спросил:

— Вколоть нейроблокатор?

Алера покачала головой:

— Ерунда, потерплю.

Ловко управляясь с биосшивателем и сочувственно поглядывая, как девушка морщится от боли, он осторожно поинтересовался:

— Зачем тебе было делать сальто, сестренка? Да еще двойное! Никто не осмелился на такой высоте, даже Тангам. Это же верная смерть, особенно в первый раз.

— Идрис подговорила, — призналась Алера. — Мы хотели показать класс парням. И у неё получилось. А вот мне не повезло немного.

Ксодар на мгновение замер с бинтами в руках, затем продолжил, быстро обматывая свежие швы плотной обеззараживающей повязкой.

— Нет, сестрёнка, ты ошибаешься, — серьёзно сказал он, понижая голос. — Идрис не делала сальто. Она никогда бы не решилась — с её-то скудной техникой. Сальто сделала ты одна.

Алера похолодела, её глаза на мгновение расширились от удивления. До неё начало доходить, что она стала жертвой манипуляции. Алера поразила самой себе: как она позволила Идрис так легко себя обмануть? «Интересно, она смеялась, глядя, как я лечу вниз?» — мелькнула мысль.

— Я видел, как вы разговаривали перед прыжком, — продолжил Ксодар. — Но решение было твоим. И ответственность нести тебе.

— Знаю, — Алера опустила голову. — Глупо. Я лишь хотела доказать...

— Доказать что? — мягко перебил он её, аккуратно закрепляя последний слой бинтов. — Что ты храбрая? Мы и так это знаем. А впечатление можно произвести и без риска для жизни. Иногда ты действуешь слишком импульсивно.

— Мне это было нужно... — её голос звучал неуверенно.

— Понимаю, — кивнул Ксодар, — тебе было нужно доказать это самой себе. Но есть и другие способы показать свою силу, не рискуя при этом всем. Мы здесь одна команда, сестрёнка, важен каждый из нас.

Последние слова заставили Алеру грустно улыбнуться. Ксодар действительно верил в то, о чём говорил, хотя реальность была куда более жестокой. Иллюзии командного духа для неё

развеялись ещё в детстве, когда она лишние два года жила в детском корпусе. Те, кого она считала друзьями, отвернулись первыми — и первыми принялись издеваться.

В общих прачечных толкались, разбрасывали её вещи, прятали щёлочь или подкидывали в чан тряпки, пропитанные техническим маслом. От этого приходилось всё перестирывать или получать наказание за неопрятный вид. В библиотеке её скамья всегда оставалась пустой. В редкие дни ритуальных обрядов никто не брал её в игры. Другие аталаи смеялись за её спиной. Во время распределения наград наставники намеренно пропускали её имя, несмотря на отличные результаты — для усмирения гордости.

Теперь, глядя на искреннюю веру Ксодара в единство Клана, она чувствовала странную смесь эмоций - от зависти к его наивности до тоски по тому, чего для неё никогда не существовало. Алера молча кивнула, скрывая боль и горечь воспоминаний, не в силах разрушить его иллюзии правдой. Она положила перевязанную ладонь на его плечо и осторожно прислонилась лбом к его лбу — не от раскаяния, а от осознания горькой иронии ситуации. Её рискованный трюк был жалкой попыткой доказать свою значимость в глазах тех, кому она была безразлична. Ксодар, не понимая истинной причины, принял её дружеский жест как знак доверия. Его лоб был тёплым, а её кожа — холодной от пережитого.

— Спасибо, — тихо произнесла Алера, не отрывая лба, — за то, что ты есть.

Эти слова прозвучали неожиданно для неё самой. Она не привыкла показывать слабость, но сейчас ей было нужно это прикосновение, эта иллюзия поддержки. Ксодар мягко улыбнулся, не подозревая о буре чувств, бушевавших в её душе.

— Всегда рядом, сестрёнка, — ответил он, легонько обнимая её за плечи. — Что бы ни случилось.

Алера закрыла глаза, впитывая это тепло, понимая, что, возможно, Ксодар оставался единственным человеком, который видел в ней не просто ученицу, а сестру по духу. Она знала: завтра всё будет как прежде. Но этот миг — прикосновение лбами, его голос — останется с ней. Как шрам.

— Крепись, сейчас будет буря, — сказал он, мягко отстраняясь и едва заметно кивая в сторону Рувима. — Ты заставила мастера боя нарушить его же собственные правила, и он прижмёт тебя за этот трюк. Постарайся ему не перечить. Он такого не прощает.

Алера проследила за его взглядом и увидела, как новый наставник с мрачным видом расхаживает вдоль края скалы, наблюдая за учениками, которые получили возможность перевести дух. Кто-то разминал ноющие мышцы, кто-то жадно пил воду из фляги. Некоторые перешёптывались, обсуждая произошедшее. Идрис равнодушно растягивалась, будто недавний инцидент её не касался. Алера стиснула зубы, чувствуя, как желудок завязывается в узел от предчувствия неизбежного разговора, а также от желания прямо сейчас схватить Идрис за волосы и швырнуть вниз, в бездну ущелья. Она представила, как подтаскивает её к краю пропасти, как смотрит в холодные самодовольные глаза... Как медленно сбрасывает вниз, туда, где острые камни ждут свою жертву... Ксодар сжал её плечо.

— Брось, — тихо произнёс он, не убирая руки, — она того не стоит.

— Легко сказать, — пробормотала Алера. Прикосновение его ладони подействовало как эликсир, затушив вспышку ярости. Желание отомстить отступило, оставив после себя лишь горький привкус обиды. — Как забыть то, что она сделала?

— Прими это как урок, — посоветовал Ксодар. — Идрис показала своё истинное лицо. И ты теперь знаешь, чего ожидать. Используй этот опыт, чтобы стать сильнее. Не опускайся до её уровня.

Она глубоко вдохнула, отпуская образ падающей Идрис. Доброта Ксодара пугала её больше, чем гнев Рувима. Потому что с гневом она знала, как бороться. А с добротой — нет. Идрис усмехнулась, перехватив её взгляд. Алера сжала зубы, но не отвела глаз.

— Построиться! — прогремел приказ наставника.

Наблюдая за вновь выстроившейся на скале шеренгой, впереди которой стояла провинившаяся Алера, Рувим задумчиво хмурил брови. Его взгляд скользил по лицам новобранцев, а в голове крутились противоречивые мысли. С одной стороны, он понимал, что нарушил собственный приказ, спасая девчонку, и это могло подорвать его авторитет. С другой — она была одной из лучших, терять таких нельзя. «Баланс нужно восстановить, — мысленно решил он. — Ошибка должна быть наказана. Иначе завтра каждый начнёт искать оправдания».

— Алера, — произнёс он ледяным тоном, — Я же ясно сказал, ваша задача — не сорваться вниз. Какого демона ты решила сверкнуть мастерством и сорвать тренировку?

Алера не могла признаться наставнику, что её провели, как ребёнка.

— Я лишь хотела проверить, на что способна, учитель, — ответила она спокойно. — Я рисковала только своей жизнью. Это была нелепая ошибка, не стоит преувеличивать последствия моих действий.

Рувима удивило её неожиданное самообладание. Он буравил ученицу взглядом, пытаясь проникнуть в её голову.

— Ошибка? — переспросил он. — Двойное сальто на высоте сто восемьдесят шесть метров? Ты играла со смертью, Алера. Твои амбиции едва не стоили тебе жизни.

— В душе истинного воина нет места страху, учитель, — гордо продекларировала она его слова. — Разве не так? Разве не в этом суть нашего пути?

— Суть нашего пути — долг, честь и подчинение, — сквозь зубы отчеканил Рувим. — Запомни это! Истинный воин не ищет смерти ради смерти, он ценит каждый момент жизни как возможность стать сильнее. Мы все здесь рискуем, но безрассудная смелость — это не храбрость, а глупость.

— Иногда это единственный путь к истинному пониманию своих возможностей, — не уступала Алера, сама не зная, почему. Точнее, знала, но не хотела признаваться даже себе. Она отчётливо понимала: наставник прав. Понимала, что ведёт себя дерзко. Но в этот момент ей было почти всё равно. Впервые в жизни она ощутила, что стоит по ту сторону страха. Не потому, что стала сильнее, а потому, что уже заглянула в пропасть. Страх больше не сковывал её, он превратился в пепел, оставив после себя лишь жгучую потребность что-то доказать. Себе. Ему. Этому миру. Она расправила плечи, чувствуя, как по телу разливается странная смелость — та, что рождается из отчаяния.

— Если не рисковать, то никогда не узнаешь, на что способен, — её голос прозвучал даже твёрже, чем она ожидала. — Страх — лишь иллюзия, которую мы создаём сами. Настоящий воин должен преодолевать его, а не прятаться за ним. Разве не так вы говорили, учитель?

Ученики напряженно наблюдали, как конфликт набирает обороты. Кто-то задержал дыхание, кто-то нервно сглотнул, не отрывая взгляда от Алеры. Некоторые перешёптывались, и до Тангама доносились обрывки фраз: «Зачем она перечит?», «Она сошла с ума», «Мастер её накажет». Все понимали, что ничем хорошим эта ситуация не закончится. Тангам попытался было сказать что-то в защиту Алеры, но Ксодар тут же остановил, предупреждающе покачивая головой. «Не лезь, — беззвучно прошептал он одними губами. — Сейчас вмешательство только всё усугубит. Посмотри на мастера».

Тангам послушно затих. Рувим стоял неподвижно, но в его позе читалась явная угроза.

— Я понимаю твой пыл и стремление что-то доказать, Алера, — медленно произнес Рувим. Его взгляд был острым, жгучим. — Но истинное мастерство заключается не в безрассудных поступках, а в умении контролировать себя. И в первую очередь — свой язык.

— Контролировать? — Алера будто не расслышала последней фразы, которая, по сути, была подсказкой к завершению конфликта. Янтарно-карие глаза девушки сверкнули гневом, в огне которого быстро сгорало её напускное спокойствие. — Я полностью контролировала ситуацию, учитель. Каждый мой шаг, каждое движение были просчитаны. Я показала, что могу выходить за рамки ожидаемого, и выполнила все ваши задачи, даже больше!

— Твоей единственной задачей было выжить, а не устроить представление, — повысил в ответ голос Рувим. — Достижение цели должно стоять выше личных амбиций, а ты своё задание только что провалила.

Алера опустила голову, чувствуя смесь вины и негодования.

— Ты думаешь, что знаешь лучше меня, как нужно тренироваться? — продолжил наставник, стремясь выдавить из неё упрямство, как пасту из тюбика. — В нашем деле нет места самолюбанию и показухе! Каждое твоё действие должно быть направлено на достижение конкретной цели. Поверь, я видел много талантливых учеников, которые погибли из-за своей гордыни. Если ты считаешь, что правила не для тебя — ты глубоко ошибаешься. Здесь каждый подчиняется установленным законам, и ты не исключение.

Он помолчал, давая ей время осмыслить сказанное. Алера тоже молчала, хотя внутри закипал жар чистого, концентрированного протеста. Рувим, по всей видимости, воспринял её молчание как смирение, потому что заговорил уже тише, с явным намерением завершить спор.

— За проявленную беспечность ты будешь тренироваться на малых высотах, — вынес он свой приговор, слишком мягкий, на его взгляд. — Никаких сложных элементов, только базовая техника у подножия скалы. До тех пор, пока не докажешь, что готова к большему. И это в последний раз, когда я спасаю твою бестолковую голову.

Но Алере приказ наставника показался личным оскорблением. Она почувствовала, как к горлу подкатила волна возмущения.

— Тренироваться у подножия скалы? — её голос дрожал. — После всего, чего я достигла? Вы вы сомневаетесь во мне?

— Я не сомневаюсь в твоих способностях, — ответил Рувим. — Я сомневаюсь в твоём самоконтроле.

Он повернулся к ней спиной, давая понять, что разговор закончен. Но Алера не собиралась сдаваться.

— Да это просто уловка, чтобы сдержать мой потенциал! — воскликнула она, в её взгляде полыхала ярость. — Вы намеренно ограничиваете мои способности! Вы просто используете меня, чтобы потешить своё самолюбие и спасти свой авторитет!

По шеренге бойцов прокатился тревожный гул. Алера не видела, что происходит, — взгляд её намертво впился в спину наставника. Но по звуку шагов и перешёптыванию поняла: несколько учеников отступили, увеличивая дистанцию. Кто-то из друзей схватил её за руку — наверное, Тангам. Алера резко вырвала руку, не отрывая взгляда от мастера боя. Рувим остановился, и стало заметно, как вздулись жилы на его шее, а спина окаменела. Плечи чуть дрогнули, будто он с трудом сдерживал порыв обернуться раньше.

Девушка продолжила со злой иронией, в которой теперь сквозила горечь:

— Это уже не вопрос самоконтроля, учитель. Это вопрос доверия. Вы не верите, что я могу идти дальше. А, может быть, вы боитесь, что я когда-нибудь превзойду вас?

Медленно, очень медленно Рувим повернулся и подошёл к Алере. Наклонился к её лицу так близко, что его губы снова коснулись её уха.

— Ты не слышала моих слов о дисциплине, птичка? — прошипел он. — Что ж, я повторю. И раз ты так плохо осваиваешь теорию, я объясню на практике. На языке, который ты обязательно поймешь.

Он сделал шаг назад и сказал уже громче, чтобы слышали все:

— Значит, ты считаешь, что способна на большее? Что в тебе достаточно мастерства, чтобы перейти к более серьезным тренировкам?

— Испытайте меня, — ответила Алера, вскинув подбородок вверх.

— Пять полных кругов вокруг каньона, — жестко сказал Рувим, — С полной боевой выкладкой. Без хроматекса. Немедленно приступить к выполнению.

На лицо Алеры легла тень. Каньон простирался на два с лишним фарсаха; его извилистые тропы, огибающие отвесные скалы, и резкие перепады высот были изнурительным маршрутом даже для опытных воинов. Каждый круг занимал налегке не менее четырёх часов, а с амуницией, без термозащитного костюма, — и того больше. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и самый сложный участок пути предстояло пройти под покровом ночи.

— Хотите избавиться от меня? — Алера задохнулась в волне собственного негодования. — Напрасно. Думаете, какая-то прогулка по каньону меня испугает? Значит, вы плохо меня знаете! Это для меня разминка, не более.

Глаза Рувима потемнели от гнева.

— Тангам! — окликнул он. — Дай ей свою амуницию. Пусть почувствует, что значит настоящий вес ответственности.

Алера побледнела. Дополнительный вес заметно снизит маневренность и скорость. Поход, который и так не обещал быть лёгким, превратится в борьбу за выживание. Только сейчас она осознала, насколько далеко зашла в своём противостоянии. Если продолжит, Рувим заставит её ползти вокруг каньона на коленях. Пора остановиться и покорно взойти на плаху, чтобы сохранить хотя бы остатки растоптанной гордости.

Дрожа от унижения, она медленно опустилась на одно колено, как того требовал регламент. В горле встал ком, но она все же выдавила, не поднимая глаз:

— Приношу извинения за дерзость, учитель. Я склоняюсь перед вашим решением. И обязуюсь исполнить назначенное.

Алера не стала просить пощады, хотя по регламенту наставник не мог в ней отказать. Признать своё поражение для неё было бы куда большим позором. Она бросила мимолетный взгляд на него снизу вверх, прежде чем снова опустить голову. Он смотрел на неё не злобно, а лишь с тяжёлой, почти равнодушной усталостью, и это было страшнее всякой вспышки гнева.

— Хорошо, что ты поняла хотя бы это, — сказал он, слегка кивнув. — Но помни: ещё раз переступишь черту — и правила больше тебя не защитят.

Он на миг задержал взгляд на её склоненной голове. На напряжённой линии шеи, где билась едва заметная жилка. Затем добавил:

— Пусть твоё испытание станет уроком самоконтроля и дисциплины. Если, конечно, у тебя хватит ума учиться. А теперь встань.

Тишина стояла такая, что было слышно, как шуршит пыль под подошвами учеников. Рувим произнес уже громче, обращаясь к отряду:

— Запомните: если кто-то из вас позволит себе подобную халатность, наказание будет таким же. Высота не прощает ошибок, а я не прощаю беспечности и безрассудства.

Стараясь не обращать внимания на взгляды друзей, Алера готовилась к походу. Она знала, что все смотрят на неё — кто с тревогой, кто с сочувствием — но виду не подавала. Молча, с упрямой сосредоточенностью, она облачилась в боевое снаряжение. Накинула бронжилет из тонких пластин обсидианита; затянула ремни так туго, что стало трудно дышать — не от злости, а потому что так правильно. Сложила инструменты, флягу, фонарь, аптечку в походный рюкзак, туда же отправилась большая часть альпинистского снаряжения. Она проверила каждую деталь, аккуратно укладывая одно за другим. Бросила взгляд на лежащий рядом защитный костюм — хроматекс, её шанс облегчить предстоящий путь. Он мог уберечь от палящего солнца и жажды, смягчить удары при падении, снизить нагрузку на мышцы. Но Рувим ясно дал понять: никакого хроматекса во время этого похода. Алера с сожалением свернула его в компактный рулон и сложила в подсумок. Что ж, справимся и без него. Наконец, пристегнула на бедра пояс с метательными клинками, надела ножны для меча и теневого хлыста, застегнула ремешки, привычным движением проверила, чтобы рукояти удобно ложились в ладонь.

Щеки её пылали. Не от солнца — ущелье уже окутывали лиловые сумерки. От стыда, от ярости, от унижительной ясности: это не наказание. Это показательное унижение.

Шагнул Тангам. Он молча поставил у её ног свой рюкзак, оружие, снаряжение, флягу, свёртки с провизией. Заговорить он не решался, лишь смотрел на неё, ожидая хоть какой-то реакции — кивка, слова, взгляда. В глазах читалась мольба: "Не вини меня, у меня нет выбора».

— Надевай доппарь, — беспощадно бросил Рувим коротким, привычным для всех приказом.

Алера молча опустила на землю. Собственный рюкзак уже давил на плечи, а теперь предстояло взвалить на себя ещё и это — чужой вес, чужую волю. Облачаться в дополнительное снаряжение сложнее: нужно идеально совместить элементы двух комплектов. Если неправильно распределить вес, спина начнёт ныть, а к концу перехода будешь ползти на четвереньках. Всё должно сидеть плотно, не натирать, не болтаться, не стучать. Каждая мелочь имела значение: лишний звук может привлечь зверя, а мозоли — стоить жизни. Алера пристегнула ножны Тангама поверх своих, закрепила на поясе еще одну связку клинков, перекинула через плечо второй моток верёвки. Нагрузка ощутимо возросла. Краем глаза она заметила, как Тангам отодвинул в сторону самый тяжёлый комплект карабинов — массивных, с двойным креплением. Он поймал её взгляд и коротко кивнул: «Бери остальное — я прикрою». Закрепляя на спине его рюкзак к своему с помощью строп, она услышала, как натужно скрипнули ремни. Лямки сразу врезались в плечи.

— Смотри, чтобы не тёрло под мышками, — сказал Рувим, — в пути это может стать настоящей бедой.

Алера кивнула, понимая серьёзность этих слов. Она сняла рюкзаки, переложила несколько предметов, снова надела, затянула ремни и осталась довольна: теперь всё сидело как надо.

Рувим вдруг произнёс спокойно, почти лениво:

— Тангам.

Тот вздрогнул.

— Верни на место то, что утаил, — продолжил наставник, не повышая голоса. — Сострадание здесь — не помощь, а обман. Не тебе определять меру её испытания. Пусть несет всё, как положено.

Тангам, не поднимая глаз, поднял карабины и протянул Алере.

— Пристёгивай, — приказал Рувим, не сводя с неё взгляда. — И запомни: любая слабость будет наказана. Даже если её проявляет кто-то другой.

Алера закрепила комплект в подсумке. Лямки врезались глубже, а в поясице поселилась тупая боль. Алера подняла голову и встретила взгляд наставника без дрожи, без тени сомнения в глазах. «Пять кругов», произнесла она мысленно. «Я пройду их, даже если придётся ползти». Но вслух сказала коротко:

— Готова.

— Приступить! — скомандовал Рувим, и Алера, обогнув Чёрный валун, от которого начинался отсчёт пути, легкой трусцой двинулась вдоль края каньона. Узкая дорога вилась перед ней, едва заметная между каменными глыбами и густыми кустами джантака, уже залитыми мраком. Тропа то поднималась, то опускалась, исчезая в густом тумане, который окутывал вершины гор. Казалось, она не ведёт никуда — просто растворяется в ночи, как след, который вот-вот исчезнет. Спину девушки обжигал взгляд наставника — суровый, испытующий, тяжёлый, как мешки за её плечами. Она не оборачивалась. Остановиться — значило сдаться. Опозориться. А она не собиралась. Не в первый день подготовки. Не на глазах у отряда. И уж точно не перед этим человеком, который проверял её на прочность.

Не сегодня. Не здесь. Не ему.

Отойдя чуть в сторону от остальных, Идрис молча наблюдала, как силуэт Алеры тает во мгле. Губы её дрогнули в странной усмешке — то ли насмешливой, то ли горестной. Лицо

Идрис на секунду осветилось лунным лучом, пробившимся сквозь туман, и Рувим успел поймать её взгляд — острый, тревожный, — но она тут же отвернулась, опустив глаза, и тень снова поглотила её черты.

Наставник устало окинул взором каньон, который погружался в ночь. Тени удлинились, сливаясь в единое тёмное полотно. Первая луна уже висела над краем обрыва, но её бледный свет бессильно терялся в густой пыльной мгле, клубившейся над дном каньона. Вторая луна ещё дремала за горизонтом, поэтому казалось, что тьма не просто наступает — она поднимается снизу, от земли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.